

В. МИХАЙЛОВСКИЙ

К84(2Рос=Рус)6

М69

**Алло!
Вас
разыскивает...**

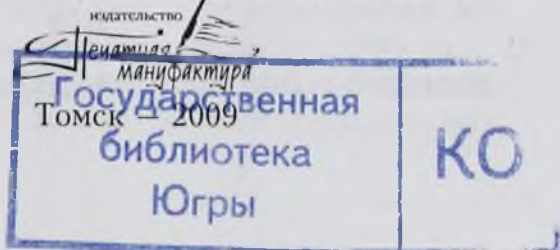
**Стихи,
рассказы,
анекдоты**

Нижевартовску 100 лет

Валерий Михайловский

**АЛЛО,
ВАС РАЗЫСКИВАЕТ...**

-0149671-

ББК 82-7(081) 84стд1-7я44
М691

Михайловский Валерий. Алло, вас
М691 разыскивает... — Томск: Изд-во «Печат-
ная мануфактура», 2009. — 172 с.

ISBN 978-5-94476-170-5

Издано в авторской редакции.

© Михайловский Валерий,
2009

© ООО «Печатная ману-
фактура», макет, 2009

ISBN 978-5-94476-170-5

*Не живем, а выживаем,
Существуем, не живем.
То ли спьяну запрягаем,
То ли вытвши везем?*

Вместо предисловия

Посвящаю свою книгу 100-летию Нижневартовска. Символично то, что именно юмористические произведения, ироническая поэзия входят в этот сборник, ибо и с самим юбилеем города история сложилась несколько необычная, если даже не комичная. Но, как сказал кто-то раньше: это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Скажите, господа администраторы или другие уполномоченные лица: кто должен выдать свидетельство о дате рождения нашего города (селения, исторического субъекта)?

Согласно официальной точке зрения, Нижневартовску исполнилось 37 лет, и этот возраст считается с момента получения Нижневартовском статуса города. При этом игнорируется вся история его развития, начавшаяся в 1909 году: поселение, потом деревня, село, рабочий поселок. Следуя данной логике, возраст официальных

лиц, придерживающихся такого мнения, необходимо исчислять с момента получения ими этого самого статуса официальных лиц, а это есть младенческий возраст недееспособности. И по существующему закону они не могут устанавливать возраст нашего любимого города. Права на это не имеют по малолетству.

Надеюсь, что ученые-историки из нашего университета вкупе с музейными работниками установят возраст Нижневартовска, если только их возраст не исчисляется с момента получения ими научных званий, и начертят в детской песочнице официальных лиц заветные 100 лет. Вот только жители города будут лишены возможности отпраздновать славный юбилей своего славного города, время уйдет.

Но я успеваю поздравить вас, мои дорогие земляки, со 100-летним юбилеем нашего любимого Нижневартовска в юбилейный год. Счастья в каждый дом, в каждую семью! Поздравления касаются и тех, кто родился в Нижневартовске до его появления на свет, то есть до 1972 года, в селении, которого тогда как бы не существовало.

ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НЕВОЛЬНИКА ТИМОХИ

Хорошо ли живется Тимохе

«Кому на Руси жить хорошо?» — вопрошал когда-то классик. На извечный этот вопрос и сейчас ответа не сыщешь. Вопрос, скажете, риторический...

А я знаю кому — Тимохе.

Никакой необходимости в поездке на дачу не было: картошки дома еще достаточно, а среди зимы дело на даче, даже если бы очень захотелось поработать, что со мной и в добрую пору редко бывает, сыскать нелегко — сезон глухой. Из поезда, к слову, единственного в сутки, я вывалился в гордом одиночестве: нет дураков в тридцатиградусный мороз на дачи ездить.

— Как дела, Тимофей? — спрашиваю лежащего под теплым одеялом детину.

Обивая березовым веником снег, обываюсь к сумеркам: окна занавешены плотными шторами, чтоб свет не мешал спать хозяину. Тимоха включил ночник.

— Лучше всех, — неизменно ответит, — гы-гы-ы-ы! — улыбнется широко от всей души,

обнажая крепкие передние зубы, словно специально уцелевшие для видимости.

Дальше зубов нет — болезненно отдуплились, рассыпались и окоренились, сравнявшись с воспаленными деснами. Как говорится, со лба красив, да с затылка вшив.

— Время то уже послеобеденное, а ты все подушку мнешь!

— А, работа не волк, в лес не убежит. Вчера прогуляли маленько... Отсыпаюсь.

— С днем рождения тебя, Толян! — я пожал его ленивую, мягкую, никогда не знавшую мозолей руку.

Он сел на самодельном топчане, не снимая, однако, с плеч одеяло. Топчан прилепился к печке плотно. Даже уклон сделан в сторону теплой печной кладки, чтоб не скатиться Тимохе на пол, не отлепиться бы от тепленьких, затертых боками до блеска кирпичей.

Тут я должен внести ясность: зовут Тимоху Анатолием, но все привыкли — Тимоха. Фамилия у него созвучная — Тимофеев. Анатолием Петровичем величают младшие и редкие гости, интеллигенты и бывшие интеллигентные люди, заезжающие иногда на дачи подышать лесным вольным воздухом. Иногда говорят ему — Толян. Но никто не знает, что по паспорту он Георгий, и в юности все звали его Жоркой. Только мама почему-то кликала его Толей.

Почему так сложилось, сам Тимоха вразумительно растолковать не может: мал был, за него все решалось, а ему, Жорке, приходилось принимать все, как есть. Может, и жизнь его из-за такой катавасии складывалась так путано.

Я достаю резиновые сапоги-болотники, купленные еще осенью специально для Тимохи. У него-то прохудились: жаловался как-то, что совсем расползаются, заплатки уже негде ставить. Но там дальше дело в зиму вошло, и сапоги, припасенные для него, ждали случая.

— Готовь сани летом, а болотники зимой, — я вручил Тимохе новенькие блестящие сапоги.

— Спасибо, родненький, — глаза еще не проспавшегося, несмотря на послеобеденное время, Тимохи сощурились, излучая неподдельную радость.

Он окончательно сбросил стеганое одеяло и тут же примерил обнову.

— А эти уже отслужили свое, — и он пнул новым сапогом обрезанные по щиколотки обрубьи. — Теперь это мои комнатные тапочки. Спасибо, очень кстати.

— Я рад, что угадал.

— Еще как угадал... и угодил. Может, чайком побалуешься?

— С морозцу можно.

Чай густо курится ароматным паром. Только теперь замечаю, что в избе не жарко. При чаем

разговоре горячее дыхание парит, и вылетающие слова, кажущиеся материально обрамленными курчавыми линиями, быстро растворяются в сизом дыму. Накурено. Окурки, складываемые Тимохой в грязную, неизвестно из-под чего тарелку, громоздятся горкой и уже падают на стол, смешиваясь с крошками, картофельными ошурками, пробками от бутылок, огрызками соленого огурца. Грязная посуда разбросана по полу. Неизвестный мне раньше пес, спаниель, встретивший меня на пороге, отмахал положенное своим обрубок-хвостом, облизал мне руки, прилег в углу, положив коричневую морду на передние лапы. Исчезла веселая хитринка, и глаза грустно уставились мне в лицо. Конечно, тарелки на полу — это его работа. Низкий стол, на манер хантыйского, для него не помеха.

— Прибился по осени, — перехватив мой взгляд, поведал Тимоха. — Охотнички потеряли. По пьяни, видно... Давно ходит кругами. Мои собаки трепку ему задали, убежал сначала куда-то. Потом смотрю — снова топчется тут — голод не тетка. Все дачники уже разъехались, значит, думаю, потерялся. Вот взял. Куда ему зимой?

— Тебе же самому жрать нечего...

— Жалко животинку. Молодой совсем, сгинет. Ничего, прорвемся! Да, Баксик? Я закурю с вашего позволения, — Тимоха посмотрел на меня и, дождавшись моего «Да ради бога, ты

же дома», прикурил. — Баксом зову, — продолжил он.

Бакс при упоминании своего имени настояжился. Приклеилась уже кличка. Я поставил кружку с чаем на отвоеванный у мусора пятак, расшнуровал рюкзак.

— Сейчас, Баксик, угощу чем-нибудь.

— Не нужно его баловать. Он не голодный. Вчера гости были, день рождения праздновали, так он все остатки, паразит, подчистил.

Бакс снова шевельнул ушами. Я хотел угадать масть собаки, но сделать это было весьма затруднительно: серо-грязная шерсть, свалявшаяся местами, не имела определенного цвета. Коричневая мочка носа намекала на то, что по спине должны быть рыжие пятна. Спина, действительно, имела темные разводы.

Только теперь я заметил, что угловая тумбочка пуста.

— Где телевизор?

— Сгорел, — обреченно выдавил Тимоха. — Скучно без телека. Но ничего, скоро пенсию получу...

— Как это — скоро? — удивился я. — Тебе ведь только полтинник стукнуло.

— Так у меня «горячий» стаж. Больше двенадцати лет. Документы кое-какие собрал. Возни много. А в город не наездишься. Тут за свет нечем платить, не то что за билеты.

— Хочешь, я тебе телек подарю?

— Да ну?!

— Серьезно! Он у меня на чердаке уже второй год лежит, так что подкатывай через часок-другой с санками. Мне он здесь на даче не нужен. Я сюда от него отдыхать приезжаю. И, если не обидишься, спиртиком угощу — другого ничего нет.

— Я очень хочу обидеться, поэтому через часик буду — нутро горит после вчерашнего. Гы-гы-гы! Ничего ж не осталось, все выжрали... Хорошо погуляли... Гы-гы-гы! А ты: «Обидишься», — передразнил он меня.

Сразу к Тимохе вернулось то великолепное расположение духа, которое присуще людям, умеющим радоваться любой мелочи.

Он прошел к двери проводить меня. Иногда в нем просыпались замашки бывшего интеллигентного человека. В трусах и болотных сапогах, подтянутый, он выглядел молодежато. От природы крепкое тело, никогда не утруждаемое непосильной работой, казалось холемым: округлые плечи, гладкие, не мускулистые руки, в которых все же угадывалась незаурядная сила, лениво висели, подчеркивая наметившуюся талию. Раньше Тимоха был толст и грузен. Часто страдал от пережору. Мне не раз приходилось снимать тяжелейшие приступы печеночной колики. УЗИ как-то показало камни в желчном пузыре,

но на операцию Тимоха так и не смог решиться. И, как показало время, правильно сделал.

— Однако ты постройнел.

— На одной рыбе да картошке шибко не растолстеешь. Да, кстати, я прошел медкомиссию, и по УЗИ в желчном пузыре камней нет, — он достал из тумбочки заключение, и я с большим интересом прочел: «Желчный пузырь обычных размеров, конкрементов нет».

— Уникальный случай! Я помню только один подобный: мужика осудили по ложному доносу, и он просидел под следствием без малого год. Похудел за это время на тридцать килограммов, а был до того довольно тучным. Так вот, избавился от камней в желчном пузыре и от начинающегося диабета. Вот так! Диета — великое дело! — поведал я Тимохе.

— Да какая на хрен диета — голодуха.

Уже несколько лет Тимоха, по паспорту Георгий Петрович Тимофеев, он же в детстве Жорка, он же Тимофей Петрович, но более известный как Анатолий Петрович, или Толян, живет на дачах. Случилась у него размолвка с его благоверной, и он, оставив все жене, взяв с нее деньги за одну комнату в их двухкомнатной квартире, купил теплый рубленый домик на дачах и стал там жить. Сначала казалось ему, что еще что-то изменится в его жизни, и это временно, но потом прикипел к этому месту и

поселился здесь, видимо, навсегда. Баня, теплый сарай для скотины (чуть не на десять коров) из непропитанной шпалы, рубленый свинарник, вольер для кур, огороженный мелкой сеткой-рабицей, ледник для засолки рыбы и кусок жирной удобренной земли, соток сорок-пятьдесят. Можно, как говорят в Одессе, жить. Видимо, давно его душа желала вольной жизни и дождалась. На работу устраиваться не захотел.

— Не хочу себя связывать, — отвечал он на вопросы о работе, — свобода, брат, — вот главное. Я тут сам себе хозяин.

Длинными зимами устраивался Тимоха путейцем на железную дорогу чистить стрелки от снега на перегоне. Заработанное за несколько месяцев растягивал до следующего сезона.

Все считают его странным: здоровый мужик, а работать не хочет, живет один, хозяйство ведет с лендой, вразвалочку. И каждый подходит к нему со своей меркой. «Да я бы на твоём месте... Да как можно так мусором зарастить...» А он: «Не лезьте мне в душу грязными руками. Живу как хочу».

Как любим мы чужой кафтан примерять на свои плечи. Но если кафтанчик не по фигуре и сваливается с плеч, то не вините кафтан.

* * *

Я люблю растапливать печку. Наколот тонких сосновых щепок, ножом настрогал стружку,

аккуратно сложил горкой, и вот уже первые теплые язычки пламени облизывают сухое смолье. Холодная печка наполнилась дымом, и сквозь щели между кружками чугунной плиты и по краям чугунины потянул дымок в комнату. Отрегулировал печной дверцей и поддувалом так, что дыма стало меньше. Затрещало, потянуло. Я прикрыл дверцу, печка запела. И уже через считанные минуты от плиты потянуло теплом.

Тимоха пришел с угощением. Принес соленые огурцы. Он всегда что-нибудь притащит. То рыбы соленой, то квасу березового, то пару луковиц со своего огорода. Не может с пустыми руками в гости явиться. Натура такая.

— Сам делал, — гордо произнес он и поставил двухлитровую банку на стол. — У меня нынче огурцы уродились, не знал, как отбиться. Насолил банок двадцать. У меня каждый год только огурцы получают.

— Выглядят аппетитно.

— Ты попробуй!

— Хороши огурчики.

Огурцы у Тимохи удались.

Желая разыграть Тимоху, я спросил:

— Что будем на гарнир к свининке делать: вермишель или картошку?

Кипяток под вермишель уже забормотал в кастрюльке.

— Вермишель, конечно, — выпалил Тимоха, не раздумывая.

— А может, все же картошку? — зная, что она ему уже обрыдла (у него то вся еда — картошка да рыба). — Картошка — это же второй хлеб, — продолжал я в том же духе.

— Это тебе — второй хлеб, для меня она и хлеб, и колбаса, и повидло... Вот здесь уже сидит, — он провел ладонью по горлу.

Тимоха опрокинул спирт, запил минералкой.

— Не люблю разводить, — сипло произнес он.

Похрустели огурцами.

— Кроликов покормил на ночь? — спросил я.

— Да какие там кролики? Нету кроликов. Мальчик съел, гад. Чуть не убил засранца! Трое суток не показывался на глаза. Потом отлегло... Забыл сарай на щеколду закрыть. Футбол по телеку у Петра спешил посмотреть. Все равно наши проиграли... Зря спешил... И кроликов лишился. Одно расстройство... — подвел итог Тимоха. — В прошлом году он же мне всех кур передал. Подрыл под сеткой-рабицей подкоп, сволочь такая. Я же застал его за этим гнусным занятием, но пока бегал за ключом в избу, он уже всех кончил. Всех до одной. А у меня их девять штук было. Каждый день по три-четыре яйца несли. Убить хотел сгоряча. А он шустрый, гад, промеж ног проскользнул и курицу унес. Три дня не показывался... Чует кошка,

чье мясо съела. А потом сердце оттаяло. Но куриц-то я сам съел, не пропадать же добру, а от кролей даже ушей не осталось.

Три крольчихи и большой кроль, самец-великан, стали добычей Мальчика. Сытое мясное будущее Тимохи лопнуло как мыльный пузырь.

— К стенке такого пса — один урон от него, — негодовал я.

— Жалко, я его щеночком маленьким взял.

И все у Тимохи так: за что ни возьмется, не получается, чтобы с прибытком дело шло, обязательно изведется и зачахнет. Правда, сам Тимоха не шибко кручинится.

— Ничего, переживем. Картошка есть, рыба насолена — прорвемся. С вашего разрешения, я закурю, — и он присел на корточки у поддувала.

— Кури!

— Телку хочу у Виктора купить. Все же легче жить будет, — Тимоха вопрошающе посмотрел на меня, — денег за зиму подкоплю, жена обещала помочь.

— Помирились?

— Да, вроде того.

Уже поздним вечером, раздумявшийся Тимоха погрузил телевизор на санки.

— Ну, пока, Толян, я завтра утром уезжаю. Будить не буду. Не хочу лишать тебя здорового утреннего сна.

— Не нужно меня будить! Гы-гы-гы... Счастливо тебе. Если будет тяжело, высылай деньги — помогу... гы-гы-гы! — отпустив свою дежурную шутку, подал руку.

Его ссутулившаяся фигура, лениво покачиваясь, удалялась в темноту. Надо мною густились звезды. Млечный Путь уклонялся в сторону и не совпадал с тропой, по которой, поскрипывая, катил санки с телевизором Тимоха. Большая Медведица повисла прямо над избушкой, развернув свой ковш на север. Полярная звезда обнаружилась где-то там, откуда уже слабо доносились скрипучие шаги Тимохи.

Почему ревет телка

Раньше Тимоха мечтал завести козу, и я даже по объявлению нашел в Старом Вартовске подходящий вариант: продавалась коза с козлятами и козел в придачу. Позвонил — цена сходная. Хозяйка тяжело заболела, а молодые решили хозяйство пораспродать и спускали все за бесценок. Тимоха загорелся, но пока искал деньги да транспорт, выводок уже перекочевал к новым хозяевам. Горевал Тимоха недолго: на нет и суда нет.

А тут дело с телкой подвернулось, к весне подкопил Тимоха кой-какую сумму, недостающую ссудила жена. Виктор продал телку и снабдил Тимоху сеном до травы.

— Осенью приведешь к быку, обгуляется и будет у тебя молоко и мясо. По-человечески за живешь. Знай, корми, — Виктору, хоть и ведомы тимохинские лентяйские закидоны, но и знал, что по доброте душевной скотину не обидит.

— Не беспокойся, голодной она у меня не будет, — Тимоха нежно погладил черную со звездой голову буренки.

Взялся за дело Тимоха с огоньком, чего раньше за ним не водилось. Поправил стайку, выменял на рыбу несколько мешков комбикорму. Соседи по дачам кто хлеб оставшийся принесет, кто очистки картофельные.

Напротив, через дорогу, весной трава сочная поднялась, есть где корове разгуляться. Часто можно было наблюдать, как Тимоха в полуденный зной березовым веником гоняет оводов от своей Зорьки. Вечером пойло сытное приготовит. Ну, короче, все чин-чинарем.

Сено Тимоха заготавливал вместе с женой. Наметилось у них вроде как примирение. Каждый погожий день идут на пойму косить. Впереди жена с косой и котомкой: кормить же Тимоху нужно. А за ней вразвалочку вышагивает Тимоха, попыхивая сигареткой.

Шоркнет косу бруском заправски, плюнет на ладони... Со стороны кажется: вот пойдет сейчас валки стрипать по обе стороны. Но уже по первому взмаху видно, что трудовых рекордов

Государственная
библиотека

КО

- 0149671 -

Югры

не будет. Два-три прогона пройдет тихо, оставившаяся на каждом шагу, и передаст косу жене. Сам же уляжется в тенечке. Вжик, вжик, вжик — посвистывает в проворных женских руках коса, навевая дрему. Так с горем пополам навжикали стожок-другой.

А тут и осень пришла со своими заботами. Отпуск у жены кончился, наезжать стала к Тимохе реже, а потом и вовсе ездить перестала.

— Справная у тебя телка, — хвалили Тимоху соседи.

— Так кормлю, — улыбается он в усы, выращенные за лето для важности, а сам уже тяготеет хомутом на шее.

Не дает ему телка вдоволь поваляться под любимой печкой. Лишила его свободы, не стало вольного воздуха. Утром трубит ухватисто так, что сон нейдет, и вставать неохота. Напоит, когда уже невтерпеж. Дело стало до психу доходить.

А тут заревела телка натужно и как-то даже тоскливо. Сначала не мог смекнуть Тимоха, отчего она так горемычно базлает. То пойло принесет, то хлеба крошит. Перевернет ведро с пойлом, отвернется от хлеба телка. Что делать? Запаниковал Тимоха: «Может, заболела?» «А может, быка просит?» — догадался он.

Повел к Виктору.

— Орет день и ночь. Может, ей быка нужно?

— Может, — Виктор пустил ее в загон к быку.

У того глаза налились кровью. Ринулся он к своей телушке, а она уворачивается, не дается.

— Позже приведи, — говорит Виктор.

Бык бросается на ограду, рогами упирается в стайку так, что бревна шатаются. Волнуется растревоженная кровь.

На следующий день Тимоха снова ведет телку.

— Орет, сил нет.

Снова убегает она от быка, а тот, взбесившись, бьет своей чугунной башкой в сруб. Сутки не ест, никого не подпускает к себе. Бока ввалились, глаза бешеным огнем горят.

— Приводи, когда она будет готова, — говорит Виктор, а то мы только быка тревожим.

— А как узнать, когда готова?

— А черт его знает, у моих коров как-то само собой получалось. Ну, приводи через два дня.

Через день Тимоха, не выдержав настойчивого мычания, лишившего его сна и отдыха, снова ведет, и снова она отказывается от красавца быка, а тот, еще не успокоившись от прежних свиданий, и вовсе свихнулся, трое суток бушует, не ест, не пьет, разносит стайку по бревнышкам.

— Что ж ты дразнишь быка? — не выдержал Виктор.

— Не могу слушать, как она ревет. Скажи, как узнать, когда она будет готова.

— Ты сам сначала попробуй, если не откажется, тогда веди, — бросил в сердцах Виктор и ушел в избу.

— Тьфу! — Тимоха смачно сплюнул, желваки заходили на скулах.

На утро выпал первый снег. Приехали мужики из города на охоту и остановились у Тимохи. Старые знакомые, друзья, с кем раньше работал на железке, оторвались от женских юбок покувыркаться.

— Че она орет, как недорезанная? — спросил Ванька.

— Быка просит.

— Так сведи.

— Уже три раза водил, отказывается.

— Она зажирела у тебя, вон, бока круглые. Я в деревне родился, — начал свою философию Леха, — так я помню, старики говорили, что перекармливать телку нельзя, у нее все тама жиром зарастает.

— Это как?

— А я почем знаю? Так говорят.

Спирт разгорячил головы охотников, тяжело надавил на страждущую голову Тимохи, и когда телка срывающимся голосом завела свою заунывную песню, кто-то сказал:

— Зачем мучаешь скотину? Уж лучше под нож.

— Так резать тоже нужно уметь... — еще сомневался Тимоха.

— Дурнэ дило нэ хытрэ, — бросил на хохляцкий манер Васька.

Дело сделалось споро. Тимоха и глазом моргнуть не успел, как мужики управились с привычной работой — охотники.

— Не переживай, Тимоха, мы у тебя мясо купим, ты и оправдаешь расходы, еще и с наваром останешься... Денег, правда, сейчас нет, потом отдадим. Ты же нас знаешь.

Наутро, похмелившись, мужики разобрали мясо и разъехались. Деньги отдавали частями. От кого-то Тимоха не дождался, а напоминать о долге не в его привычках, деликатность души не позволяет. Жена, узнав о такой Зорькиной кончине, прекратила всяческие отношения со своим горе-мужем.

* * *

Но на этом история с коровой не закончилась. Перед Новым годом я приехал на дачи за картошкой. Вечером зашел Тимоха. Узрев светящийся глаз моего окошка в зимней ночи, притащил тазик с копытами и коровью голову.

— Вот все, что осталось... Рога, как говорят, да копыта, — грустно сказал он. — Думал, всю зиму с мясом буду, но так получилось... — и он рассказал, как «получилось».

— Дурак ты, Толян.

— Дурнее не бывает, — согласился он, — такое мясо пораздавал. Она ведь не зря обгулять не могла — зажирела: у ней все внутренности жиром заплыли, — Тимоха тяжело вздохнул. — Что-то бы сделать с этим... — он кивнул на рога и копыта. — Его же смолить нужно, а я сам не справлюсь. Тебя ждал. Я ведь чувствовал, что вот-вот появишься. Ну, так что делать будем?

— Наварим холодца. Тащи посуду для заливного, а я разожгу паяльную лампу: смолить будем рога и копыта. На всю зиму хватит, а кости собачкам.

— Я мигом, — повеселел Тимоха.

Его радовала не так своя посветлевшая перспектива, как собачья.

Я смотрел ему в след, бегущему трусцой по буране, и думал: «Добрая ты, бестолковая душа. Корову профукал. Холодец сам сварить не можешь».

Но почему-то тянет меня на дачи, тянет к этой чистой, по-детски непосредственной душе.

Форс-мажор

Всему можно найти оправдание, особенно, если шибко того хотеть. Спроси Тимоху, отчего это его сети зайцев ловят на пойме? Вода то давно уже в берега вошла, а его сетки с вися-

щей дохлой рыбой так и красуются паутиной над зеленой травой.

— Не успел, — ответит, — только собрался — вода упала, да так, что лодкой не добраться, а пешком пока дойдешь, комарье до костей сожрет.

— Как же так, все успели сетки поснимать, а ты не успел?

— Видишь ли, — почешет затылок, — быстро я до комарья чувствительный. Другие терпят, а у меня терпежу не хватает, меня до психу это кусачее племя доводит. У меня нервы слабые.

Чья бы корова мычала... По мне, так крепче нервов, чем у Тимохи, не бывает. Как-то зимой спросил у Тимохи морсу клюквенного. На клюкве, можно сказать, живет. Рядом болото урожайное: брали нынче ягоду все, кому не лень.

— Нету, — говорит, — у меня клюквы.

— Как же так?

— Только собрался — снег выпал, клюкву прикрыл.

— А раньше?

— Мошку пережидал... Нынче мошки быстро много было.

— Всякая вина тебе виновата... — уже не выдержал я.

Вот и с картошкой также приключилось. Посадил Тимоха картошку. Участок небольшой,

сотки две, в самой середине его обширных земельных владений: каждый год трава да лебеда затачивают землю по периферии, отвоеывая у Тимохи свое.

Пришла пора окучивать, а комарье, как нарочно, разыгралось люто и нещадно. Тимоха ждет, когда ветром обдует. А ветра нет и нет, и парит каждый день. Самая что ни на есть комариная погода. А тут и гнус выпарился. Просто тучами носится, не дает Тимохе нос высунуть. Такая погода растительности всякой в пользу: прет все как на дрожжах. Картошка взялась тянуться, и лебеда рядом не отстает. Пырей да иван-чай тож свое берут. Земля-то, сдобренная еще старыми хозяевами, считай, что чернозем.

На одном квасе живет Тимоха. Попьет кваску и лежит под печкой. Зимой она греет, а сейчас прохладой одаривают кирпичи. По нужде приспичит: намажет то место, что оголять приходится, ширинку еще в избе расстегнет, чтобы время в нужнике не тратить да гнус не глотать, — и бегом через двор, придерживая штаны в руках. Через минуту уже несется обратно. Так ничего и не замечает вокруг.

— Пора бы картошку окучить, — советует забредший в избу сосед.

— Пожду чуть, может, ветром унесет гнус этот паршивый. Спасу от него нет.

— Прямо форс-мажор, какой... — махнет рукой сосед.

А ветра все нет и нет. Июль уже последними днями исходит, а на дворе все по-прежнему.

Дрогнули железные нервы Тимохи. Решил не ждать милости от природы. Вооружился тляпкой, натянул доспехи противокомаринные... Вышел в огород, что витязь былинный... Но картошку уже не нашел. Заглушила ее лебеда, да иван-чай затянул огород розовой пеленой. Почесал Тимоха тыковку да в избу вернулся. Не было печали, так черти накачали. Остался без урожая. Говорят, нарыл пару ведер гороха с горем пополам, вот и вся картошка.

Нечаянное знакомство

Нынче весны не было. Еще лежал снег, а южный ветер принес тепло не по сезону. Теплый ветерок в считанные дни слизал остатки снега, быстро распустились листочки... и все! Лето! В наших краях такое бывает.

Лето, весна ли застали Тимоху врасплох. Пойма реки наполнилась водой быстро, и подготовиться к рыбалке он не успел. Ему все казалось, что есть в запасе еще пара недель. Народ уже на моторах выписывает, а он только сети решил перебрать. Сидит, значит, распутывает прошлогодние узлы. За зиму так и не удосужился подготовить снасти. А еще мотор нужно

разобрать — приспичило. Не на веслах же рыбачить. Короче, забот — полон рот. Сидит Тимоха в избе, парится.

Сроки поджимают: рыбалка самая добычливая в начале. Язя охота поймать икряного, а не пустого да засолить хоть пару ведерок. Спешит, значит, Тимоха, потеет.

Заваливают к нему в избу три парня. Молодые, ненашенские. Ну, зашли, что ж — гости. Отставил сетешки свои, чайник пошел ставить. Мужики молчат.

— Что стоите, как неродные? Зашли раз — проходите, чайку счас сварганим, — он даже обрадовался незваным гостям, хоть передышку какую-то можно сделать.

Молчат мужики, из-под бровей смотрят на него.

— Может, что не так? — иронично заметил Тимоха, а сам уже напряжился.

Один живет, не на кого обнадеживаться. Стал так, чтобы сзади никого не было. Чайник включил, а глаз с парней не сводит.

— Ты, мужик, здесь живешь? — спросил передний и, видимо, главный, вычислил Тимоха.

— Как видишь, — ответил Тимоха, осмотрев тех двоих, что стояли в дверях. — Хлипкие, — решил про себя.

— Ты наши сети мотором порезал — мы тебя вычислили.

— Плохо у тебя с арифметикой, парниша, — Тимоха глянул в упор. — Если что — этого первого, — мелькнуло.

— Провяз на три штуки тянет, так что шутки в сторону, мужик, — и те двое сделали шаг.

— Не понял.

— Щас поймешь...

Закончить фразу он не успел... На шум отреагировал Мальчик, заскреб дверь снаружи, грозно зарычал. Те двое сначала хотели дать деру, но на улице их ждал злой пес, и они решили сдаться на милость этому мужику. К тому времени очнулся и старший товарищ со спутанными тоже руками. Рассадил их Тимоха в рядок на полу у двери.

— Не убивайте нас, — захлюпал нос у одного.

— Зачем же я буду брать грех на душу? Что ж вы — заходите в гости, ни здрасти вам, ни насрать? Я думал, гости как гости. Мне ж по-человечески погутарить охота. А вы... Чьи будете, откуда в наших краях? Браконьерите, значит?

— Мы из Лангепаса, порыбачить решили... — трусливо ответил старший.

— Документы есть?

— Водительские права в кармане, — он ткнул подбородком.

— Та-а-а-к... Лисов Юрий Сергеевич. Сергея, значит, машиниста сын? Понятно. Я батеньку

твоего знаю. Работали вместе. Меня Анатолием Петровичем зовут, а тебя как?

— Эдик.

Тихон перевел взгляд дальше.

— Толя, — выдавил из себя третий.

— Тезка, значит. Вот и познакомились. Чай пить будете?

Все дружно закивали. И Тимоха развязал им руки. Чайник уже дрожал, выпуская из себя тугой пар.

— Спасибо, Анатолий Петрович, — сказал Юра, принимая кружку из рук Тимохи. — Бате хоть не говорите.

— Да, ладно, не скажу. Не бери в голову, пустяки... А ты, Эдик, слазь-ка в погреб. Там справа на полке смородиновое варенье. И помните, ребятки: здороваться нужно, когда в гости идете. А я еще сети свои даже не мочил и мотор пока не настропалил. Вы, поди, поперек протоки провяз поставили?

— Ну, да.

— Если бы я напоролся на вашу сеть, то еще отхлестал бы вичкой, чтоб не хулиганили. Кто же так ставит?

Тимоха смотрел на ребят, за обе щеки уплетавших варенье с деревянными пряниками неизвестного возраста, да думал: «Хорошо, хоть ребята зашли, а то совсем тоска задавила. Чай некогда попить». И улыбнулся.

Женщина с биографией

Дом Тимохи стоит с краю, первым в ряду, и мимо никак не пройдешь.

На стук никто не ответил, и я открыл дверь. Несколько котов шарахнулись из темноты в разные стороны, где-то с потолка, чуть ли не на голову, свалился еще один. Я зажмурился и подумал, что все — галюники. Включил свет. Мне предстояло пережить еще одну неожиданность: такого порядка у Тимохи еще не бывало. К чему бы это? На окнах тюлевые занавески, шторы, на полу палас, правда, не мели в избе уже давненько. Портила вид неубранная посуда на столе. Ну конечно — в этом доме завелась женщина. Подаренный мною телевизор что-то вещал резвящимся котяткам. Значит, хозяин отлучился ненадолго. Усевшись в кресло, утомленный утренней охотой, я даже вздремнул под привычный шум телевизора и возню котят.

Когда засыпаешь легко и незаметно среди дня, повинуясь внезапно налетевшей дреме, обычно происходит сшибка счета времени. И сейчас, проснувшись так же внезапно, как и уснул, я не сразу смог отдать себе отчет, сколько же времени я находился в избе Тимохи. На столике уже прибрано и дымятся две кружки горячего чая в компании литровой банки малинового варенья.

— Я не стал тебя будить, — услышал я бархатистый голос хозяина, — прибрался пока, чайку вскипятил.

— Правильно сделал. Я так сладко вздремнул.

— Ничего себе вздремнул. Час храпишь, как паровоз.

Ага, значит, я уже битый час валяюсь тут, а мне еще картошку доставать из погреба для проращивания. Но, глянув на чай, варенье, на Тимоху, усевшегося напротив, мой трудовой порыв угас. Успеется.

— У тебя никак женщина завелась? — употребив именно этот глагол, я тогда еще не знал, как был близок к истине. — Ну-ка колись, старина.

— Не только женщина, тут и мандавошки заводились... — Тимоха хлебнул горячего чая, открыл рот, словно остужал язык. Он действительно не любил очень горячий чай. — Не знаю, как и рассказать.

— Как есть, так и говори, если, правда, информация не конфиденциальная.

— Да какая там конфиденциальность? Стучится зимой среди ночи кто-то в окно. Выхожу: баба стоит, шатается. Трясется вся от холода. На улице под тридцать. «Откуда, — спрашиваю, — красавица, в студеную зимнюю пору?» «Из поезда вышла», — говорит. Я ее в избу

впустил. Куда ж ее среди ночи? Сгинет не за понюшку табака. Отогрелась у печки. Спиртику налил для сугреву. Она спиртик, как воду, лакнула, крякнула, как мужик, водичкой зашла. «Нормально, — думаю, — веселая девица». Присмотрелся: молодая вроде — не больше тридцати пяти, но виды повидавшая: губы не однижды битые, под глазом шрам. Я ее на свое место под печку спать уложил. Сам на диване лег. Всю ночь проворочался, будь она не ладна. Оно ведь как: пока никого из женского полу тут не крутится, оно как-то забывается, притупляется, что ли. А тут... Ворочаюсь, сон не идет. Короче, как в том анекдоте: просыпается мужик, правой рукой пошарил — нет никого, левой пошарил — нет никого. «Ну, чего стоим? Кого ждем?» Гы-гы-гы, — наконец-то улыбнулся Тимоха. — Пошел среди ночи баню топить. Все равно не спится. «А кому не спится в ночь глухую?» Гы-гы-гы, — отпустил плоскую, старую, с бородой шутку Тимоха и прикурнул после непременно «с вашего позволения». — Утром говорю ей, — продолжал он, — «Банька истоплена, можешь с дороги помыться». И полотенце подаю, а она мне: «А ты что, не пойдешь?» «Как же, — говорю, — я тоже...» А я же без малого год бабу голую не видел... Ну, короче, осталась она у меня, тем более что никто ее нигде не ждет, и денег у нее ни копейки тоже

нет. Куда ей? Ей воровски удалось залезть в вагон, но уже по дороге поймали «зайчишку». Проводница пригрозила, что сдаст в милицию на следующей узловой станции. Вот и выскочила раньше на разъезде, чтоб в ментовку не загребли. Раньше уже попадала легавым в Москве, говорит, хором отметилили.

— Богатая биография, — не выдержал я.

— Не говори, — Тимоха не спеша отхлебнул чай, затянулся, медленно выпустил дым. — Тут такое дело приключилось, — Тимоха замялся. — Ну... как тебе сказать... Мандавошек от нее подцепил. Сначала ничего не понял. Раз почесал, потом снова. Заметил, что и она почесывает то же место. «Я, Толик, не успела предупредить... мандавошечки у меня...» Не успела предупредить... Коза драная. «Мандавошечки» у нее... А может, и не успела... Я ведь как голодный набросился прямо в бане. Спину попросила потереть... зараза... Да наклонилась так, чертовка... Ну, короче, она действительно не успела даже слова сказать... Да и мне там не до диалогов было.

Тимоха долго тушил окурок, собирался с мыслями.

— Пришлось брить и себе, и ей все тама, мазь какую-то привез из города, керосином мазали. Короче, вывели. Я потом запаниковал: она же мне такой подарок могла преподнести, что всю

жизнь потом на аптеку работать. «А кроме этих насекомых пакостных, — спрашиваю, — больше ничего не привезла?» «Нет, — говорит, — Толик, триперок как-то был, менты подарили, но я его вылечила». Триперок, мандавошечки... Богатая, как ты говоришь, биография. «А носик всегда у тебя такой был или недавно закурносился? — начал я ее допытывать. «Всегда, — говорит, — я курносой была, не бойся. Меня из-за этого носика мальчишки шибко любили». Ну да ладно... Я и успокоился. Пусть, думаю, живет.

— Ну, и где она, твоя курносая?

— Два месяца у меня жила. Вроде и порядок навела, уютно даже стало в избе... Но не выдержал, договорился с проводником знакомым, дал ей денег, чтобы могла добраться до Перми, и отправил...

Наступила пауза. Что-то не договорил Тимоха, и я не стал торопить его.

— Понимаешь, пила, зараза, больше меня, а я такого женщине простить не могу. Все запасы спирта прикончила. И главное — втихаря... Я на рыбалку, а она по сусекам... Прихожу, а она снова навеселе. Все простить могу, но спирт воровать — это последнее дело. Так мало того, что отливает спирт, она же разводит его водой, чтоб я не заметил. А я разведенный не люблю... Как-то хлебнул, аж стошнило... Спирт

кончился, она водку стала выменивать на рыбу в вагонах-ресторанах. Полную пайву рыбы спущу в ледник, смотрю через время, а там уже половина. А мадам у меня опять навеселе... Отправил. Снова не повезло. Та вот, помнишь, из города приезжала в прошлом году? Тоже запойная... Прямо не знаю, что и делать... Да кто сюда поедет...

Он затянулся сигаретным дымом, задумался.

— Откуда у тебя котов целый выводок? — переменял я тему. — Давеча открыл дверь, чуть умом не тронулся: шарахнулись в разные стороны. Я уж думал — галюники.

— Кошка окотилась, а мне заказали котят. Я и оставил. Раньше-то я их только родятся — в ведро с водой. А эти уже подросли, жалко... А те люди отказались... Куда их? Вот живут. Уже мышей ловят... — приободрился Тимоха.

Почему поют собаки

Как только Баксик попал к Тимохе, он своим собачьим умом смекнул: будет туго, придется покрутиться. И крутился как мог. Во-первых, ладить с этим рыжим псом просто жизненно необходимо, его клыки уже оставили свои отметины на спине. Во-вторых, чтобы выжить, жрать нужно все, что дают, и, в-третьих, необходимо извлекать свое преимущество, заключающееся в том, что ему позволено жить в

избе, а это давало дополнительные шансы на выживание. И Баксик эти шансы использовал.

Сначала ему не очень-то нравилось, когда к его новому хозяину заваливались шумной толпой дурно пахнущие люди. Особенно противным и невыносимым казался дым от курева. От дурных запахов Баксик научился прятаться. Он знал заветную щелку в углу, о которой не догадывался больше никто, а еще его спасала неплотная дверь, откуда просачивался свежий воздух. Эти люди пили противную вонючую жидкость, запах которой он раньше улавливал от своего бывшего хозяина даже на следующий день. От нового хозяина пахнет так же, но он хоть не пинает его ногами и не кричит ему в ухо, как тот.

Винные запахи, табачный дым, с трудом переносимые чутким собачьим носом, развязывали языки сидящим за столом. Нарастающий застольный шум перерастал в страшный вой. Каждый старался выказать свои вокальные способности, и голосовые связки не жалели. Баксик прикрывал уши лапами, но безобразное бляние пьяных мужиков не давало покоя, и не было от него спасения. Однажды Баксик не выдержал и завыл от отчаяния и навалившейся тоски. Выл в тон поющим, заглушая их хриплые голоса. Песня внезапно оборвалась. Поющие ошалелыми глазами смотрели на пса-вокалиста, а тот выл,

подлаивая, и уже не замечал привлеченного к себе всеобщего внимания.

— Смотри-ка, Тимоха, он же поет, — сказал кто-то.

— Он у меня всегда поет, — пьяно поддакнул Тимоха, — это я его научил. Да, Баксик?

Баксик прекратил выть и, услышав свое имя, поднялся на ноги, виновато опустив голову.

— Видишь — кивнул, значит, не вру. Он и слова понимает. Да, Баксик?

Баксик снова кивнул и подошел к Тимохе.

— Вот видите?

И Тимоха угостил завилявшего хвостом пса вкуснейшей колбасой.

— Давай, Баксик, споем дуэтом. Эти засранцы не верят... гы-гы-гы! — Тимоха уже и сам стал верить в то, что этот непонятной масти пес поет с ним чуть ли не каждый день.

Баксик, поняв, что хозяин в хорошем расположении духа, замотал хвостом и преданно посмотрел в глаза. Тимоха заголосил. Больно резануло по ушам, и Баксик в тон хозяину завывал что есть мочи, чтоб заглушить это безобразие. И тут случилось то, чего Бакс никак не ожидал. Все сидящие за столом стали его угощать всякими вкусностями. Такого успеха он и представить себе не мог в самом кошмарном сне.

— Держи, Бакс, заработал, — говорили они, нежно поглаживая обвисшие уши.

Теперь Баксик ждал гостей и с удовольствием пел вместе с Тимохой. Тимоха получал свое вознаграждение, Баксик — свое, а гости, которые стали чаще заходить посмотреть на чудо, тоже оставались весьма удовлетворенными. За такой концерт ни колбасы, ни водки не жалко.

Как бы то ни было, эта зима давалась трудно. Денег у Тимохи совсем не водилось. Устроиться на сезонную работу не удалось. В самые морозы охотники наезжали совсем редко, а за весь февраль и вовсе не появилось ни души. К весне и тимохинские собаки, и он сам имели одичавший вид. Тимоху уже тошнило от картошки, ухи, вяленой рыбы и соленых огурцов. Баксику осточертела мороженая щука, которую он воровал у живущего на самом ручье рыбака. Один раз ему удалось снять зайца из петли, поставленной Тимохой, за что получил увесистый пинок. Успел бедный пес отгрызть только уши от замороженной тушки. Тимоха вытронил виновника по следам и примерно наказал.

* * *

Только схлынули морозы, я поехал на дачи. Сорока на хвосте принесла, что дорогу прочистили, и можно машиной доехать до самого поселка. Обрадовался Тимоха моему приезду

необыкновенно, и не только он. Не успел я переступить порог, как Баксик запел. Он так самозабвенно выл, гипнотизируя меня своими коричневыми глазами, что казалось, исполняет самую важную арию своей жизни. Я еще не знал о его новых талантах, но, видимо, поступил так, как поступали все те, кому он уже раньше исполнял свой небогатый репертуар.

— Он у тебя поет, — сказал я, обращаясь Тимохе, и угостил певца сосиской.

— Жрать захочешь — станцуешь, — Тимоха громко сглотнул слюну.

И он поведал о тяжелой голодной зиме.

— Собак жалко. На рыбе сидят, и то едят не досыта. Баксика как-то отпинал за зайца какого-то поганого. Сам потом чуть не заревел. С петли у меня снял. Я его по волоку вычислил. Так он убежать даже не мог. У него уже сил не стало, — Тимоха заморгал влажными глазами. — Денег нет. Я даже электроплитку включить не могу. За электроэнергию нечем заплатить. Виктора попросил пока не отключать. А то без света совсем одичаем.

— Сколько должен?

— Сто пятьдесят рублей. Вроде не много, но для меня и это деньги.

— Я дам тебе...

— Нет, нет... — запротестовал Тимоха, — мне нечем будет отдать.

— Слушай, Тимоха, у нас на работе сотрудница хочет твоего Баксика забрать. Во-первых, у тебя станет на один рот меньше, а во-вторых, за собаку положено хоть какую-то денежку заплатить. За электричество рассчитываешься.

— Что же это получается? Ты хочешь, чтобы я Баксика продал? Как ты можешь такое предлагать! — возмутился Тимоха.

— Не продать, дурья твоя башка, а отдать в хорошие руки. А денежку... так положено, понимаешь.

— А-а-а! Ну тогда ладно. А обижать его там не будут?

— Ну что ты! Это добрейшей души люди. У них две дочери, так что вниманием Баксик не будет обделен, — с достаточной долей бравады выпалил я, не зная, как реагировать на Тимохин вопрос.

Вот она, русская душа: сам с голодухи подыхает, последнее собакам отдает. Радовался бы, что забирают пса — лишнюю глотку, а он: «Обижать его там не будут?»

Баксик прыгнул в открытую дверку машины и, деловито потоптавшись, улегся на заднее сиденье. А я-то соображал, как его туда заманить. Значит, машина ему знакома, и никаких хлопот в дороге у меня с ним не будет. Растерянный Тимоха, вытирающий глаза, казался осиротевшим.

— Чтоб не обижали его. Он умный... И пусть Баксиком останется, он уже привык... — голос Тимохи подрагивал.

— Ладно, хуже ему не будет, — и я сунул Тимохе в карман двести рублей. — А мне новые хозяйева отдадут... Так положено, — еще раз повторил я, чтобы окончательно убедить Тимоху, что не продает он своего Баксика.

* * *

Уже потеплело, распустились листочки. Как-то утром я спешил на работу. Нудно моросил мелкий дождик, и в поле зрения, ограниченное зонтиком, попал спаниель — белый с рыжими пятнами — просто красавец. Рядом стояла женщина, прикрытая зонтом. И только поравнявшись, я узнал нашу сотрудницу.

— Здравствуйте, Нэлли Ивановна. Так это и есть Баксик?

Пес, услышав знакомое слово, подбежал к нам, прижался к хозяйке и плотно посмотрел мне в глаза, готовый вступить за свою благодетельницу.

— Красавец пес! Я даже не ожидал, что у него такая богатая масть, — удивился я.

— Так он у нас еще и поет, — сообщила Нэлли Ивановна радостно.

— Я знаю и даже слышал. Он пением на хлеб зарабатывал.

— Передайте Тимофею привет. И скажите, что его Баксика не обижают. А на рыбу он теперь даже смотреть не может.

Смертоубийство

И до меня слух дошел: Тимоха порешил соседскую собаку. Из ружья в своем дворе убил. Одни говорят — спьяну, другие — сдуру. Никогда за Тимохой не водилось по-пьяни блажить да чудить таким зверским образом. Сдуру — то другое дело, хоть и это сомнительно, чтоб Тимоха собаку живота лишил.

Встретился мне недавно дачник один:

— Ты что, Тимоху не знаешь? — он крутнул пальцем у виска. — Из-за какого-то котенка собаку завалил. Тьфу! — сплюнул он смачно.

Если б кто другой над скотиной поизмывался, как Васька, например, Хромой содрал с полуживого пса шкуру, то никто бы этого не заметил. Что с Васьки возьмешь? А тут столько разговоров да пересудов: не от первого уже слышу. Надо же — Тимоха собаку застрелил.

Еду на дачи. Не миновать Тимоху: давно не виделись. Обязательное:

— Как дела?

И такое же неизменное:

— Лучше всех, только никто не завидует.

За чаем разболтались, о том о сем беседуем: малина нынче уродилась — варенья наварил,

огурцы получились отменные (у Тимохи всегда огурцы получаются), рыбы нынче насолил, зайчишку по первоснегу взял... У меня тоже свои новости. Сидим, чаек швыркаем, у печки греемся. Печку нынче Тимоха подлатал — чугуни-на сверху новая, дровишки запасены, вроде чище в избе.

— Порядок стараюсь держать, — перехватил мой пытливый, шарящий по углам взгляд.

— Вижу.

Замолчали. Громко тянем круто заваренный чай-кипяток, позвякиваем ложечками — варенье малиновое вкушаем. Об одном, видимо, подумали.

— Говорят, у тебя здесь ЧП — смертоубийство произошло, — пошел я вломовую.

— Да-а-а! — протянул он, словно ждал. — Не сдержался. Теперь вот жалею, что так получилось, но тогда... — он кашлянул глухо, словно поперхнувшись, задумался.

Из оцепенения его вывела прижегшая ладони эмалированная кружка с кипятком. Он резко бросил ее на стол, чуть не опрокинув.

— Ай! — Тимоха подул на ладони. — У Витьки кошка сдохла, остались котята-слепыши. Все сгнули, один — никак. Прихожу к нему — пиццит какой-то. «Один, говорит, сдыхать никак не хочет, и утопить не могу». Вот и забрал себе — жалко. «Все равно сдохнет — такие маленькие

не выживают», — говорит Витька. А я думаю: «Раз помирать не хочет, значит, к жизни интерес имеется, попробую». Пипетку нашел. Молочко парное у соседки брал, они корову тогда еще не запустили. Сначала разводил молочко кипяченой водичкой, потом так давал. День — живой, другой — живет котенок! Ну, думаю, жить будет — не помрет. Он мои руки стал узнавать: возьму в ладоши, а он уже рот разевает. Вся мордочка в молоке, облизывается белой пенкой. Я его оботру, обсушу, чуть только не облизывал. Привык — будто к дитю. Аж сердце, бывало, зайдет, давно так не щемило, — тут Тимоха заморгал, отвернулся, сделал вид, что ищет сигареты.

Прикурил после непременно «с вашего позволения». Я молчу. Слова не лезут наружу, сам чуть слезу не пустил.

— Большесньким уже стал, глаза навькате. Красавец — черненький такой, с белой мордочкой. Я для него карман из какой-то шкурки пришел к куртке тут вот изнутри, так и таскал его за пазухой. Спать лягу — он ко мне под бочок. Боюсь пошевелиться — задавлю же. Ночью проснусь в холодном поту: ну все, думаю, придавил кроху, а он лежит на подушке — понятливый. На охоту стал ходить — ему же мяско нужно — подрос уже. Так он у меня за пазухой весь день и сидит. Бывало,

рыбчишку шлепну и прямо в лесу покормлю свеженинкой. Мяса налопается, гаденыш, и снова в свое гнездо. Тихонько лежит, не шевелится. Укачивает, видать. Такой озорной котенок получился, и с моими поладил. У меня же своих-то два. В избе не сидится — все по сеням шарится да на улицу норовит. Шуму от него: то одно уронит, то другое, то в сетях запутался, непутевый. Ладно заметил, а то задохнулся бы. Как-то в бочку с водой упал. Хорошо, что воды немного было. Слышу, вроде кто-то не то бубнит, не то воет таким дрожащим голосом, что не по себе становится. Ничего не пойму. Раз несколько вокруг дома обошел, в сенях все перешарил. Барабашка, что ли, думаю. В избу зайду, а он снова. Коза, не коза блеет. Черт знает что. Потом только в бочку заглянул: он стоит на задних лапах, а вода ему вот по само белое пятнышко на мордочке. Вытащил горемыку, а он круглый стал, как мяч, — воды нахлебался под завязку. Дрожит весь, голос уже осип. Еще бы чуть, и утонул. Я ему искусственное дыхание, то да се. Воды много вытекло. Он лежит, а вода прямо льется изо рта. И смех и грех. Выжил. Второй раз, почитай, родился.

А тут чищу как-то картошку, а он как заверещит, охололо все внутри, я на улицу, а там этот кобель соседский душит его — только лапы тор-

чат да голова обвисла... Ну, короче — все... Схватил ружье — и в упор... Не знаю, что нашло...

Тимоха замолчал. Затянулся долгой затяжкой... Отвернулся.

— Подлить, что ли, чайку? — я потянулся к чайнику.

— Подлей, — сипло ответил он.

Как потратить пенсию

Бывает же такое: ничего, ничего, а потом мно-о-о-го!

Безденежье заедало Тимоху хуже вшей. Куда ни кинься, везде денежка нужна. Соль и та денежку стоит. Про сахар Тимоха временами и не вспоминал. Когда народ на дачах крутится, еще как-то можно концы с концами сводить: кто в гости зайдет с бутылочкой да закуской, к кому сам забредет. А как зима морозная ступит на порожек, так месяцами на дачах ни души не сыщешь, как говорят, днем с огнем. Заметет все вокруг, сравняется снег с заборами. Тихо станет до жути. Вьюга иногда взвоят к вечеру, а как стихнет да на мороз повернется — стволы в лесу затрещат, будто смертушка ухает. Лежит под печкой Тимоха, не шелохнется, старенький телевизор смотрит да те немногие книжки, что на полке пылятся, по третьему кругу читает. Газету какую найдет под лавкой в холодных

сенях, как за керосином или смольем полезет, — радуется. От корки до корки позапрошлые новости запоем прочитывает, сравнивает с тем, что за время случилось. С собаками беседует или кошке бубнит че-то, а та мурлычет громко, на всю избу.

Приснился Тимохе сон, будто Зорька его большую кучу подложила прямо перед порогом. Было как-то такое в натуральном виде. Тогда у Тимохи руки все не доходили убрать, и каждый проходящий обязательно влетал в «капкан», неизменно матерился, а Тимоха только разводил руками, но лепешку не убирал. Так и вытаскали ее на обутках. И тут в том же месте, только на снегу. Присел Тимоха на корточки, руки греет над густым паром, как вдруг прямо из парящей лепешки вылетает, как черт из варежки, большой комар с голубя величиной и давай кружить, жужжать громко и натужно. Хоботком длинным, острым, словно шилом, норовит в глаз попасть. «Такой и через тулуп достанет», — испугался Тимоха и проснулся... «З-з-з...» — противно зудел гигантский комар.

Звенел будильник.

Как только разлепились глаза, страшное видение пропало. Потянувшись, Тимоха включил ночник, втянул воздух и выдохнул паром, протянул руку, нащупал потрепанную книжонку.

Сонник лежал на привычном месте. Сонник остался в память о той ночной гостье, одарившей Тимоху в прошлую зиму беспокойной живностью и словно взамен лишившей его запасов спирта. Тимоха открыл страницу на нужном слове. «К деньгам, значит. Пенсию никак начислили...» — решил Тимоха.

Уже больше полугода должна начисляться Тимохе пенсия, но никак не мог он собрать вовремя нужные справки, документы. «Видно, справки пришли. К деньгам сон-то...» — еще раз потешил себя Тимоха и вылез из-под стеганого ватного одеяла. «Сегодня же в город поеду. Комар — помеха... Как бы не помешало что...» — зародилась тревога, и тело передернуло от холода. Тимоха экономил дрова, пытаюсь растянуть худосочную поленницу на всю зиму. В избе было зябко: обычно он до последнего лежал, пригревшись у печки.

Тимоха быстро нырнул в просторный свитер, растянутый когда-то пухлым телом. Теперь свитер обвис, как мешки под глазами. Он недовольно повел рукой по шершавому подбородку, глянул в помутневшее зеркальце. «Пенсию получу, расплачусь за электроэнергию...» — подумал он, втыкая вилку электрочайника в розетку. «...Новую бензопилу куплю... электрообогреватель», — мелькнуло в голове, когда подкидывал поленья в прожорливую печку. «...Мотоблок

нужно купить. Хватит руками огород копать. К нему и окучник идет...» — подумалось, когда тупой нож непослушно сдирал кожу с мелкой картошки.

* * *

Конечно же, Тимохе приснился вещий сон. Сонник не врал. Количество денег соответствовало приснившейся теплой куче на снегу. Столько денег Тимоха давно не держал в руках. Вместе с губернаторскими доплатами получилось без малого двадцать тысяч. Ошалевший Тимоха почесал вспотевший от волнения затылок, сел на холодную лавку перед магазином, предварительно смахнув выпавший за ночь снежок, и еще раз пересчитал деньги.

Ему не верилось, что все получилось так легко. Никаких проволочек. Только паспорт Тимоха долго искал дрожащими руками. Девушка успокаивала его, мило улыбаясь, а он размашисто шарил по карманам, покрываясь крупнозернистым потом. Так он еще отродясь не потел. Комар-страшилище с огромным шилом зазудел в голове тракторным рокотом. Сознание чуть не покинуло враз разлаженный крепкий организм. Вдруг рука наткнулась на знакомый кожаный переплет, и комар смолк, исчез.

Долго бродил Тимоха по рядам огромного магазина. Сначала как-то случайно он оказался

в зале видеотехники. В три ряда множились лица телеведущих. Он жадно вглядывался в экраны, прикидывал цены, прибавлял видеомагнитофон, но то, что нравилось, не укладывалось в сумму. Хотя варианты есть...

В другом зале Тимоха складывал в уме стоимость мотоблока и импортной бензопилы. На отечественную «Дружбу», сидевшую у него уже в печени, как выражался иногда Тимоха, даже смотреть не хотелось. Не получалось: три тысячи не хватало. Приплюсовал еще электрообогреватель, и дефицит вырос до пяти тысяч.

Ноги сами снова вынесли его к телевизорам, но усилием остатка воли он снова принудил себя прийти в зал бытовой техники, где он опять оказался перед мотоблоком. Тимоха уже видел себя за плугом в белых перчатках. Плуг легко переворачивает пласты плодородной земли... Вот он уже окучивает картошку, легко управляясь с послушной машиной. Ему даже привиделись мешки с уродившейся картошкой. Тимоха потрянул головой и уставился в цену. Остается не так много... Обмыть обнову, пенсию...

Так Тимоха переходил с одного зала в другой много раз: постоит перед телевизорами, пустит слюну, вдруг спохватится и быстро устремляется к нужной в хозяйстве сельхозмашине.

Не приходилось еще Тимохе решать такие задачки. В голове зазвенело, как в пустом чугушке,

в горле пересохло. Он зашел в буфет и заказал холодного пива.

Оставим Тимоху в буфете.

Оставим его в покое.

Ему предстоит трудный выбор.

Мне хотелось бы провести небольшой эксперимент: угадаешь ли ты, читатель, куда склонится чаша весов? Как выпутается из сложившейся сложной жизненной ситуации Тимоха? Мне-то проще — я уже знаю.

* * *

Недавно у Тимохи сгорела баня. В прошлом году сгорел ледник, а в позапрошлом году рухнула крыша коровника, построенного прежними хозяевами. Стены коровника построены из неопитанной шпалы. Материал добрый для любого строительства, но некогда Тимохе прибрать шпалы, к делу пристроить.

— Тимоха, — спросит кто-нибудь, — дай пару шпал, на сарайку не хватает.

— Возьми, раз нужно, — Тимоха махнет рукой в сторону прохудившегося коровника.

— Тимоха, я возьму там у тебя досок.

— Возьми, не жалко. Все равно сгниют.

Так потихоньку разобрали у Тимохи коровник, и на его месте выросли роскошные лопухи и дородная крапива.

— Лопухи у тебя, Тимоха, знатные, — как-то сказал ему в шутку.

— Так они же лечебные. Я в твоём справочнике прочитал. Помнишь, ты мне дал?

— Помню, — улыбаюсь я.

— Так вот там написано, что от облысения корень применяется. Я голову мою. Вот смотри, — он снял шапку, — волосы выпадать перестали.

— У тебя и крапива растёт...

— Крапива она тоже лечебная... — продолжал он на полном серьёзе и, только перехватив мое откровенное ржание, запнулся.

— Все у тебя в дело идет, — съехидничал я.

— Все в дело, гы-гы-гы, — и сам рассмеялся Тимоха.

Баня-то сгорела при странных обстоятельствах. Сам Тимоха был дома, но не заметил, как стихия изничтожила баню дотла. Соседи поливали Тимохин дом, чтобы не перекинулся огонь. Никто не знал, что Тимоха дома: дверь-то заперта. Он выполз с заспанными глазами, когда баня догорала.

— Что вы тут орете? — спросил он недовольно, распахнув дверь.

— У тебя баня сгорела. Мы тут битый час тушим, а он «че орете», — сосед смачно выругался.

Народ разошелся, а Тимоха смотрел на еще догорающие угли с недоумением. Жалко: сегодня наметил попариться, а вот не придется.

А ледник сгорел еще в прошлом году. Вспыхнул сухим кедровым смолем от соседа. Тимоха заметил дым, валивший через щель из соседского гаража, примыкавшего к леднику. Бросился за ломом, выворотил гаражную дверь и выкатил соседскую машину, обжег руки, но соседскую машину спас. Пока возился с машиной, в гараже воспламенилось все, что там находилось, и огонь махом перелетел на ледник. Спасти свой ледник уже не хватило сил. Все случилось среди недели, и на дачах никого не было. Остался в ту зиму Тимоха без рыбы...

* * *

Вот и еще одна зима пролетела. Тянет на дачи, хочется увидеть Тимоху. Как же пройдешь мимо его избы. Стучу. Не отвечает. Какие-то звуки долетают до моего обостренного здешней тишиной слуха. Значит, есть кто-то дома. Захожу в сени, перешагивая через валяющуюся разобранную старую бензопилу, раскиданные по полу запчасти лодочного мотора, рыбацкую сеть «ловит» ботинок. Хочется заматериться, чуть не упал на помойное ведро, запнулся о свой телевизор, когда-то отданный Тимохе. Вхожу в избу.

В углу стоит новенький недешевый телевизор. Видеомагнитофон крутит спящему на своем излюбленном месте Тимохе порнографиче-

ский фильм. Тимоха, откинувшись на подушку, своим храпом пытается заглушить томные стоны раскачивающейся в такт грохочущему за окном поезду девицы.

Я не стал его будить.

Теперь мне понятно, почему Тимоха не заметил, как сгорела баня.

За окном несется товарняк с таким грохотом, что домик дрожит и раскачивается, вся изба заполнилась стонами девицы, набирающей обороты под металлический стук колес. Искаженное лицо юноши, редко мелькающее на экране, уже не подает признаков жизни.

В избе жарко: работает новый электрообогреватель, одеяло сползло на пол. Я отметил, что Тимоха снова начал округляться. Ленивая рука, держащая пульт управления, в такт дыханию то поднимается, то опускается на подающем надежды животе.

Тимоха храпит, заглушая девицу и товарняк.

Вольная жизнь Тимохи продолжается...

Не судьба (логичный эпилог)

Мне уже стало казаться, что «Вольная жизнь...» логично закончена: Тимоха обеспечен пенсией, исправно платит за электричество, кормит своих котов и новую приبلудившуюся

собачонку, заменившую Мальчика, отданного соседу за причиненный ущерб так и не восстановившемуся хозяйству; строит планы по возведению новой бани и капитальному ремонту обветшавшего дома. Этим планам никогда не суждено свершиться... Тимоха предпринимает очередную попытку привлечь внимание какой-то фемины для «серьезных отношений»; очередной сезон нехотя сажит картошку и теряет ее на излете лета в густом бурьяне... Все идет по кругу...

И тут позвонил Тимоха. Мне показалось, что голос его потерял присущие ему нотки оптимизма.

— Я из больницы звоню, из травматологии: с машиной пободался, ногу расшиб. Черт меня дернул с этой работой...

— С какой работой? — не понял я.

— Ну да ладно, придешь — расскажу. Я с мобильника... Вот что: костыли нужны. Ты же в больнице работал, может, где завалились.

Костылей у меня нет, нигде они не завалились. Я уже привык, что мне звонят знакомые и спрашивают разные медицинские принадлежности. Раньше я работал главным врачом железнодорожной поликлиники, и многие вполне для себя логично считают, что у меня, конечно же, осталось огромное наследство в виде клизм, костылей и пинцетов.

— Завалились, не завалились... Костыли будут.

— Спасибо, родненький. Я знал, что поможешь.

Вчера мне знакомый уже сообщил новость, и, собираясь разыскивать Тимоху, я обрадовался его звонку. Сам нашелся.

Купил последние залежалые костыли в «Медтехнике» и вечером с обязательным в таких случаях тормозком помчался в больницу.

Травма оказалась намного серьезней, чем я себе представлял: многооскольчатый перелом костей голени, повреждение связок коленного сустава. Лицо, покрытое струпьями, с заплывшим глазом, походило на битую дыню.

— Башкой лобовое стекло вышиб, — встретил Тимоха мой взгляд зрячим глазом. — Сначала болела, — Тимоха кивнул на подвешенную ногу, — уже притерпелось, сегодня уже спал.

— Как тебя угораздило?

— На работу шел... Помнишь, я медкомиссию проходил. Кое-как пропустили: то зрение, то слух. Как говорится: то понос, то золотуха... Черт меня дернул с этой работой. Документы нес в отдел кадров, а в ночь должен был заступать на дежурство, будь оно неладно... Не хотелось работать, веришь, нет — шел, как на плаху. Хотел на лодочный мотор заработать. Вот, заработал, — кивнул он снова на ногу. — Дорогу

переходил, задумался, а тут — бац — и в дамках. Теперь водила ходит, передачи носит. Не повезло ему со мной, но я не виноват, я на перекрестке переходил, там и знак был... Мужик, видно, тоже задумался, не заметил.

— Не судьба, видимо, тебе работать...

— Не судьба... А в позапрошлом году в Сургуте тоже на работу устраивался, — Тимоха достал сигарету, — нам тут разрешают курить... с вашего позволения, — посмотрел он выжидательно, чиркнул зажигалкой. — Так вот такая же оказия случилась и тоже по пути на работу. Иду в отдел кадров с заявлением. Тогда освободилось место стрелки чистить от снега. Поезд в Сургут рано пришел. Че, думаю, делать на вокзале, пойду тихонько. Там пару километров по путям до конторы топать. Иду, курю, вижу — впереди мама с маленькой дочуркой плетутся. Девчонка вдруг вырвалась от мамки, побежала в сторону, а тут, как назло, стая псов сновала, один-то и кинулся за ней, потом и другие... Чуть не разорвали девчущку. Мамка стоит, ревет белугой, ничего не делает. Она растерялась, видно. Я-то и бросился на собак, раскидал в разные стороны. Руки мне порвали, гады, пришлось поворачивать в больницу. Там позашивали, да сорок уколов получил. Вот тебе и работа. Всю зиму раны зализывал. Не судьба...

— Не судьба, видно, — согласился я.

— А машинистом на базу устраивался после МПСа... Уже больше десяти лет прошло, — Тимоха тяжело вздохнул. — На первую смену шел, уже, правда, устроился, инструктажи все сдал. Весна, слякоть... Через лужу перескочить хотел... Прыгнул, да как поскользнулся! Бац — разрыв связок! Пока лечился, место потерял. С тех пор, кстати, и не работаю. Вот так-то, родненький. Как не судьба?

— Поди и тогда против своей воли на базу устраивался.

— Понятное дело...

— Судьба... Звезды, видимо, стали так...

— Раком, что ли? — кинул в сердцах Тимоха.

Заболтались мы с Тимохой, стемнелось уже совсем.

* * *

Лет несколько, однако, уже прошло, как Тимоха в шутку сказал:

— Усыновил бы ты меня, гы-гы-гы-ы-ы! — и широко улыбнулся, оголив провалы на месте бывших жевательных зубов.

— Ну что ж — усыновляю.

Кому-то покажется — шутка юмора, так сказать. И я так думал сначала, а потом привязался к этому человеку, почувствовал что-то вроде

ответственности, что ли. Это не высокий штиль, нет. Я сам ищу всему объяснение. А может, слова имеют свою силу, неведомую нам, мы не властны уже над однажды произнесенным вслух. Так рассуждал я, вырывая на своей машинешке за город. Домой нужно было, а я — за город. Зачем? А, вспомнил: на звезды захотелось глянуть. Может, Тимоха живет под ленивой звездой? А какие они, звезды, сегодня? Так давно не смотрел в ночное небо. В городе то и звезд не видать — не пробиться им сквозь ночные фонари и равнодушное людское. Суетливые люди затмили звездный свет. Стоит ли повседневная суэта звездного света, соловьиной песни, тихого всплеска непуганой рыбы? Может быть, необходимы миру такие вот Тимохи в противовес огромной армии непоседливых, копающих бесконечно землю в поисках призрачных богатств, спящих денно и ночью, опутывая Землю проводами?..

— Остановитесь! — шепчет Тимоха, — прислушайтесь к первозданной тишине, не гремите рабскими цепями...

Но никто не внемлет голосу безумца.

И вот я стою среди темной ночи, уставившись в посыпанное золотым пшеном небо. Застывшие на век звезды неспешно и скуповато выталкивают из своего естества скупые блики.

Они все ленивые!

Все человечество родилось и здравствует под сенью ленивых звезд! Каждый рождается под своей ленивой звездой и потом суетою своей и маятью ломает предначертанное знамение.

Вдруг заметил звездочку, зигзагообразно продиравшуюся сквозь Млечный Путь. Но это не звезда, это — творение рук человеческих, искусственный спутник. Он, судорожно дергаясь, продвигается по заданному человеком пути, нарушая сотворенный высшим разумом порядок. И нет в нем ничего величавого и достойного восхищения: так, фонарик, светящийся таракан на бархатном шатре, расшитом золотыми звездами.

И тут напакостили суетливые. Тьфу!

2003–2006 гг.

МНОГОЛИКИЙ ЯН

(рассказ Николая Смехова, человека,
прожившего большую жизнь на Севере,
о своем друге)

Как Яна в партию принимали

У меня в отряде есть друг и хороший приятель — Ян Долинский, человек, которого я люблю, и в то же время он мог бы быть моим врагом со всеми его выкрутасами; человек — деятельный бездельник и в то же время — бездеятельный деятель. Как я познакомился с Яном? Я приехал сюда в 95-й мостоотряд в 1982 году, отработав уже больше десяти лет на Севере. Будучи два года главным инженером в 87-м мостоотряде, имел опыт северной жизни уже немалый и считал себя опытным северянином и корифеем. Приехал в мостоотряд и думал, что, мол, это — мостоотрядишко: он уже организован, специалисты, как мне сказали, имеются, и с моим теперь опытом будет работать легко. Но, с другой стороны, я видел, что отряд собран с миру по нитке, потребуется еще организовывать коллектив. Но я все равно надеялся, что справлюсь легко — корифей все же, да и молод был, на все смотрел свысока.

Начальник отряда — Кузьмич, как его для краткости называли промеж себя все в отряде, работавший долго без главного инженера, до того задолбался, что, увидев меня, обрадовался несказанно. Несмотря на субботу, он схватил меня, провез по всем близлежащим производственным объектам, наспех махнув рукой в одну, другую сторону, на ходу сказал:

— Вот там контора, вот там мосты, в той стороне такие, в той — такие, — пожал руку. — Все, Николай Александрович, хозяйничай! — а в воскресенье, наспех схватив билет на самолет, укатил на два месяца.

Народ в отряде разношерстный: половина кубанцы, половина украинцы. Специалистов добрых, конечно, не было. Так — мастера, пару человек только закончили институты.

Я был убежденным беспартийным, но меня, хоть и не положено было в то время, почему-то держали на должности.

Руководителей в те времена всегда приглашали на партийные собрания. И вот прошло три-четыре дня, я еще толком-то и с людьми не познакомился, меня приглашают на очередное партийное собрание. А у меня уже был отрицательный опыт и свое предубеждение к этим собраниям: когда-то на партийном собрании меня лишили заслуженного ордена, уволили с работы. Так что я уже знал, что там такое на этих

собраниях: они обычно чихвостили какого-нибудь бедолагу прораба, потом все расходились, а бюро оставалось, чтобы наметить, кого и за что они будут дрючить на следующем собрании. Так что я образцово пришел. Татьяна Владимировна, наш диспетчер, обаятельная женщина, служака, именно — служака, не освобожденный партийный секретарь. Ей четыре часа за это доплачивали — партия так приказала. Она насквозь была идеологизирована. Идеологизация ее была такого сельского типа — ну ей же нужно за жизнь держаться.

И вот она, открыв собрание, таким бодреньким голосом говорит:

— У нас сегодня на повестке дня прием в кандидаты в члены Коммунистической партии Советского Союза Яна Аполлоновича Долинского.

Встает такой громила, моложе меня на вид, симпатичный мужик под два метра ростом, выходит к трибуне, читает свое заявление, и секретарь вопрошает в зал:

— Ну, товарищи, какие будут вопросы?

Кто-то крикнул:

— Пусть свою биографию, что ли, расскажет.

И Ян начинает говорить. Родился, дескать, в Новоградволынском, отец участвовал в сопротивлении, до сих пор участвует в разных комитетах, сидел с Тельманом в одной тюрьме и

был лично с ним знаком, на трех языках свободно разговаривает. «Отец действительно такой — коммунист старой закалки», — уточнил Смехов. Такой отец получился, минут пять про отца рассказывал, потом о себе: что и активный всегда был, и во всех общественных делах участвовал, и за сборную Украины по футболу играл, и в сборную по баскетболу привлекался, и председателем профкома на заводе в пять тысяч рабочих был; общественник, туда-сюда, на Севере четыре года отработал. Ну просто ангел, а не человек. И я начинаю сгорать от стыда. Думаю: «Елки-палки, черт возьми, какого хрена я тут сижу, какого черта я со своим двенадцатилетним северным стажем задираю нос — тут такие люди! Если рядовые монтажники такую биографию имеют! И если тут монтажники таковы, то каковы остальные люди? Не убежать ли мне, пока не поздно? Не бежать ли мне побыстрее от стыда, потому что я не гош им как руководитель». Так убедительно рассказывал свою биографию Ян. Но вот он закончил.

— Какие будут вопросы? — спросила Татьяна Владимировна.

Задали вопросы по уставу партии, о международном положении, в общем, стандартные вопросы. Ян ответил, как умел, всех удовлетворили его ответы. И получалось, человек со

всех сторон положительный — и активист, и спортсмен, и работник хоть куда.

— Ну что, товарищи, будем ставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Яна Аполлоновича Долинского принять кандидатом в члены КПСС?

Все дружно подняли руки.

— Все за? Против нет? Хорошо. Воздержавшиеся?.. Кукулюк, — обратилась ведущая к мужчине, не участвовавшему в голосовании. — Вы воздержались?

— Да.

— А почему?

— А у меня есть вопрос к Яну Аполлоновичу.

Кукулюк, как потом выяснилось, учился вместе с Яном в одном классе и знал, конечно, его лучше, чем я и другие присутствовавшие.

— Задавайте, задавайте. Мы здесь и собрались для того, — оживилась Татьяна Владимировна.

Он и спрашивает:

— Ян Аполлонович, а за что вы сидели четыре года?

У ведущей собрание волосы дыбом:

— Ян Аполлонович, это правда? Почему вы это нам не сказали? — спросила Татьяна Владимировна.

— А я думал, это не важно.

— Как не важно? Ян Аполлонович, о какой партии может идти речь. Ну расскажите хоть, за что вы сидели и где.

Ян говорит:

— Да ни за что. Понимаете, пришел с армии, служил в спортроте, я же спортсменом был. Вот отпраздновали мы это дело, сходили с женой на танцы в парк, а у нас, знаете, в Карпатах темнеет рано. Идем домой: смотрю — трое одного быют. Мне жена и говорит: «Ян, ты же спортсмен — заборони». Ну вырвал штaketину — заборонил, раскидал, они и убежали. А этот, которого заборонил, пьяный, лезет ко мне драться, ну я его легонько толкнул, тот упал. Мне бы так бы ничего не было, но он полковником милиции оказался.

— А что с ним случилось? — спросила его Татьяна Владимировна.

— Да пустяки: ключицу сломал, руку, ногу, сотрясение мозга. Дали четыре года. На Севере отсидел.

О, думаю, вот и северный стаж появился у человека.

Принимать вроде как теперь Яна нельзя, но принять его Татьяна Владимировна аж страсть как хочет. Не знаю уж по каким причинам, но это видно.

— Ну, товарищи, что будем делать?

Ян:

— Да я... Да это случайно... Я ж не знал... Я ж больше не буду...

— Ян Аполлонович, партия все должна знать, вы пред ней как перед матерью, как на духу...

Каялся, каялся Ян, туда-сюда: и в тюрьме он активистом был, и за тюрьму в футбол играл, и общественником в тюрьме был, и досрочно освободили. По-новому пошел Ян окупивать.

— Ну что, товарищи, делать будем?

Встает один активист, говорит:

— С каждым может случиться. По-молодости то было, давайте примем, в виде исключения.

И Татьяне-то Владимировне принять охота: разнарядка-то уже есть, да и видно, что симпатизирует она Яну.

— Что ж, товарищи, предлагаю ставить на голосование.

Ян, смотрю, просветлел, улыбка на лице появилась, ожил.

— Да я больше не буду.

— Смотрите, чтоб пред партией — как на духу.

— Я все понял...

— Ну что, товарищи, будем голосовать. Кто за? — народ дружно потянул руки. — Кто против? Кто воздержался?

— ...Кукулюк, вы почему воздержались?

— Да у меня вопрос к Яну Аполлоновичу.

— Задавайте, мы же сюда затем и пришли.

— Ян Аполлонович, а как Людмила Ивановна посмотрела на эти твои дела?

— Какая Людмила Ивановна?

— Как это какая? Твоя жена. Заведующая детским садом.

— Да не было никакой Людмилы Ивановны, — запротестовал Ян.

— Так ты ж говорил, что с женой шел, когда заборонял-то.

Ян говорит:

— Так то ж была не Людмила Ивановна. А моя первая жена.

У Татьяны Владимировны челюсть отвисла:

— Как, Ян Аполлонович, вы еще и двоеженец? Почему не говорили, что у вас вторая жена?

— Да я не знал... Да я думал, что это не важно... — заметался Ян.

Народ загудел. Татьяна настроена уже не принимать.

— Нельзя вам в партию — тюрьма, две жены...

Смотрю, Ян заплакал. Здоровенный мужик плачет.

— Если вы меня не примете, а батька мой узнает — откажется от сына. Он у меня член антифашистского комитета, он вместе с Тельманом сидел... Если вы хотите, чтобы я застрелился, то так и скажите, и я пошел стреляться... — Ян плачет, просто рыдает.

Дело категоричное. Опять бодяга пошла: перед партией как перед матерью, как на духу...

Тут уже Татьяне Владимировне хочется подойти к делу не сухо по-партийному, а чисто по-человечески. По каким уж причинам, я не знаю.

Бодяга длится уже полтора часа. Народ уже устал.

— Примем, примем. С кем не бывает... по молодости.

Я смотрю на этот цирк, и смеяться хочется, и плакать, как Яну. Смеяться нельзя, а то и мне кирдык придет. Я уже раньше пострадал... Волнуется народ, вроде склоняются помиловать Яна.

— Ставлю на голосование. Кто за? Хорошо... Кто против?.. Кукулюк, вы снова воздержались?

— У меня вопрос есть.

— Так задавайте, — уже занервничала ведущая.

— Ян Аполлонович, а вы алименты сыну платите?

— Какие алименты? — испугался Ян.

— Сыну от первой жены.

Он говорит:

— Нет.

— Почему?

— Да она сказала: ничего от тебя не надо, никаких алиментов, только уходи.

Снова конфуз — сын внебрачный.

— Вы почему не сказали?

— Да я думал, что это не важно... Я не знал...

И опять бодяга: от партии скрывать ничего нельзя... как пред матерью... как на духу. Ян снова в слезы: больше не буду... застрелюсь... Народ устал и склонен все же принять. Татьяне Владимировне тоже нужно принять человека — там не поймут. Разнарядка есть разнарядка.

— Ну что, товарищи, будем ставить на голосование. Кукулюк, прежде чем голосовать, скажите: у вас вопросы еще к Яну Аполлоновичу будут?

— Нет.

— Вы будете голосовать «за»?

— А все будут голосовать «за»?

Все проголосовали «за». Кукулюк тоже.

Ян вышел после собрания просветленный.

Я подошел к Яну и спросил:

— За что же все-таки вас тогда посадили?

— А, по-пьяни отметелил одного м., а он полковником милиции оказался.

Потом мы стали с Яном друзьями.

* * *

Этот человек наивностью берет своей и в то же время прямоотой. Сейчас он работает начальником снабжения, а поставил я его на эту должность за героический подвиг. Разгружали щебень на станции. Все зашли в бытовку, а ему захотелось люки открывать. Взял он кувалдочку,

а бугай он здоровенный, по люку стукнул, и ему люком руку прищемило. Ему бы руку отсекло, но ручка кувалды была железная, и она удержала огромный груз. Мужики сидят в бытовке, ничего не подозревая. Он же в таком состоянии, как-то с трудом рукой защемленной поджался (а сила в нем невероятная — два баллона кислородных берет и идет в гору), как-то освободился, значит, пришел в рукавицах, так, мол, и так, говорит, случилось. Вахта дежурная повезла его в больницу. Зашел в скорую помощь своими ногами, потом рукавицу снял с обезображенной руки, вытряхнул остатки косточек в ладонь здоровой руки, и потом, пока это все было свежее, ему как-то вживили. У него рука так и осталась немного увечной, он одну косточку по дороге потерял. Потом он ходил, разрабатывал руку целый год. Сделал себе какой-то аппарат по типу аппарата Илизарова. Теперь уже все зажило и почти незаметно.

Бог един

Как-то поехал я в Москву в командировку. Думаю, возьму Яна, все же веселее будет. Жить у меня там есть где — тетка-москвичка. Идем по Арбату, он увидит что-нибудь, ну, к примеру, витрину яркую, заорет: «Вон, смотри!», махнет рукой, смотрю — кто-то уже пада-

ет. Рука-то у него как шлагбаум. Я ему говорю: «Что ты так реагируешь, руками машешь? Если хочешь обратить внимание, укажи кивком, посмотри налево, посмотри направо, дай знак... Нехорошо махать руками...» «Да я знаю», — и снова: «Николай, смотри!» Махнет рукой, и снова кто-то лежит на тротуаре.

В метро зайти с ним невозможно, вечно врывается как с перепугу... Как ломанется, обязательно две женщины на полу окажутся. «Мужчина, вы чего?» — «Не нравится, в такси езд!»

Говорю как-то:

— Ян, давай в храм сходим, — я обычно захожу в храм, я и посты соблюдаю...

— Сходим, — согласился он.

Заходим в храм Христа Спасителя. Я ему объясняю в меру моих познаний что и где находится: алтарь, что справа, что слева, святые, что да как, принцип построения храма, кто шапку снимает, кто не снимает, где за упокой, где за здравие, ну все главное... Походили мы по храму, я и говорю:

— Ну ладно, надо свечки-то поставить, пусть помянут в молитвах, у меня отец умер... — Там такса своя — десять рублей, что ли. Написал я на бумажке Анна, Александра, помянул тетку свою... Ян и говорит:

— И я тоже.

Я ему говорю:

— Ян, тебе нельзя.

— Почему?

— Ты же католик, храм-то православный.

— А все равно, вера одна.

— Вера-то одна, Бог-то един, только обряды разные. Ян, так нельзя делать, ты нанесешь только вред...

— Нет, — возразил он.

Берет бумажку у монашки, пишет: Бенедикт, Юзя, еще какие-то имена польские, подает монашке, а она смотрит:

— Мужчина, а они крещеные?

А он говорит:

— Ага!

— А они православные, где они крестились?

— В церкви, с крестом.

— А чего это у них такие имена странные?

Ну это же известно, когда человек назван одним именем, как у меня Анжела, крещеная Анна, или есть и другие примеры. Вот он ее и убеждает. А она молодая, видимо неопытная, спрашивает:

— Мужчина, а вы меня не обманываете?

— Не-е-ет! — протянул он и перекрестился.

У меня аж волосы дыбом встали. А монашка опять:

— Мужчина, — говорит она, — если вы меня обманываете, отец Георгий с работы выгонит.

— Я не обманываю...

Я уже не выдержал:

— Ян, ты что делаешь? Ты хоть понимаешь, что ты совершил преступление перед душами своих умерших родственников, что им из-за тебя в аду гореть, а эту неповинную монашку с работы выгонят.

— Это все ерунда. Бог един, — и пошел к выходу.

Вот он, Ян, во всей своей красе.

Удачная командировка

Послал я как-то Яна в командировку в Уфу. Наши партнеры что-то мудрить начали. В то время, а дело было в приснопамятные девяностые годы, многие почему-то считали нормальным явлением обман. Нашему мостоотряду уфимцы задолжали двадцать цистерн солярки. Дело нешуточное, учитывая, что тогда с деньгами было туго. Не останавливать же работу из-за того, что нет топлива. Я уже сколько раз пытался утрясти все по телефону, но очередные обещания оставались обещаниями.

— Ян, — говорю, — в командировку поедешь. Соляру нужно отгрузить из Уфы.

— Что ж, нужно так нужно, — Ян всегда готов.

Уехал.

Сидит там неделю, другую.

— Как дела там, Ян?

— Все зашибись, — отвечает бодро. — Деньжат вышли.

Высылаю. Понимаю, что расходы в столичном городе немалые.

Звонит он исправно, каждый день да через день. Все больше денег просит.

— Кончились, — говорит.

Шлю, что ж делать. Уже и месяц прошел.

— Как там дела, — спрашиваю, — когда соляру пригонят?

— Через пару дней отгрузят. Я, — говорит, — тут с директором познакомился, со снабженцем познакомился. Скоро уже.

— Ты и неделю назад пел ту же песню, и две недели...

— Не беспокойся, Николай Александрович, через пару дней отгрузят.

Прошло еще время. Уже полтора месяца сидит Ян в Уфе. Денег перевел немерено.

— Все, — говорю, — давай обратно.

Я уже понял, что толку не будет.

Приезжает свеженький такой, бодренький, отдохнувший. Спрашиваю:

— Ну как там дела?

— Зашибись, — следует стандартный ответ, — хорошо я там оттянулся, две девицы приласкал...

- Я спрашиваю: соляра когда будет?
— Какая соляра? — изумился по-детски Ян.

Ян — охотник

Сколько уж раз зарекались не брать Яна на охоту. Пользы от него ноль, одни проблемы. Такое иногда учудит, что хоть стой, хоть падай. А не взять же опять: обиды не оберешься, да и что греха таить — скучно без него.

Говорю Яну:

— Поставь чучела на грязях, скоро утка полетит.

В этом месте грязи рано оттаивают. На озере еще лед, а этот залив уже оттаял.

— Щас.

И начинает всякой ерундой заниматься: то хворосту подкинет в затухающий костер. Никому костер не нужен: чай попили, обсушились... То рябчика насвистывает. Это на болоте-то, где до лесу — километр. Я патроны ему подбираю, собираю ружье: сам же ничего в этом не тямит.

— Поставь, — говорю, — чучела.

— Щас, — и снова за свое.

Потом, смотрю: берет лодку, чучела сложил на дно, толкнулся. Лодка не идет, в иле застревает.

— Иди пешком — тут глубина по колено да по щиколотки.

Сопит, но упирается веслом, не слушает. Уже полчаса упирается — пару метров одолел. Тут он как-то неловко толкнулся, весло застряло в трясине, потерял он равновесие, а оболтус он тяжеленный... Лодка переворачивается и накрывает его. Гляжу: шлюпка дном кверху, а Яна нет. Странно смотреть со стороны, как поднимается лодка и этот оболтус, подняв ее над головой, несет влегкую на берег. Сила есть — ума не надо. Я не знаю, смеяться или плакать. На дворе не жарко. Здоровый-то он здоровый, но простуде все подвержены. Развожу костер. Пока посушили Яна, и вечерняя зорька прошла мимо, как говорится.

Ночевали мы в охотничьей избушке знакомого охотника. Избенка срублена ладно, устроились мы сравнительно неплохо. Утром, понимая, что толку на охоте от Яна немного, я говорю:

— Ян, дров накопи, пока мы на утреннюю зорьку сходим.

— Ладно.

Приходим через какое-то время: сидит Ян под кедром, думку думает. Умаянный весь, потом изошел, с лица даже спал. Нет в его взгляде присущего ему обычно оптимизма.

— Что, — спрашиваю, — приключилось? А самого уже проняло нехорошее предчувствие.

— Да вот, не могу никак расколоть.

— Что?

— Чурак березовый витой попался.

И вот что мы обнаруживаем: к одному колуну топорнице сломано, к другому тоже. Топор, что был в лодке, сломан. Не только топорнице, но и сам топор треснул, а последний топор загнан в тот чурак березовый по самое не хочу. Не было бы других поленьев, дело другое, а так напилено полно и сосновых сухих чураков, и березовых. Нет же, Ян выбрал тот единственный, что не колется, и все топоры поломал. Сила есть...

Просится на вечернюю зарю. Ладно... Чучела расставлены со вчерашнего дня. А так как ребята, зная манеры Яна, побаиваются его в соседях иметь, то беру его с собой. Он же за просто может пальнуть в сторону охотника.

Как обычно, сажусь в приготовленный уже скрадок. Говорю Яну:

— Сделай себе скрадок в том березовом кусту, а то сидишь на чистом. Так и сам не поохотишься, и на меня утка не пойдет.

— Щас сделаю.

Сломал несколько веток, для блезиру воткнул перед собой.

— Набросай сухой травы, тебя же такого тюленя за десять верст видать.

Притрусил маленько. Сел близко к кусту и ружье положил на ветки. Я посматриваю на

него, особенно, когда утки налетают: не пальнул бы по мне — у него ума хватит.

И тут я чуть в озеро не свалился: утка летит, Ян ведет за ней ружьем, упирается в березину и обходит ее, поднимая стволы вверх, упирается в другую — и так же обносит стволы, и в третий — так же. Конечно же, утка благополучно улетает, а дробь, пущенная из Яновой двустволки, остается далеко позади.

Потом уже за ужином у костра спрашиваю его:

— Отчего же ты все время мазал? Может, упреждение не брал?

— Брал.

— Сколько брал? Может, недостаточно?

— Да нет, нормально брал... сантиметра... три. Мы все захохотали.

— Нет, сантиметров пять, — поправился он. Вот таков Ян...

2006–2008 гг.

С ПОЛЕМ!

Открытие охоты. Сколько об этом написано, рассказано, спето с тех пор, как впервые человек взял в руки камень и швырнул его в лоб динозавру, открыв таким образом первый охотничий сезон.

Открытие охоты для настоящего охотника значит не меньше, чем для глубоко верующего человека окончание поста. Разговение.... Кто не испытал этого чувства, тому не понять того, о чем хочу поведать.

Увлечение охотой каждого индивидуума уходит корнями в глубокую юность его и часто берет начало, как полноводная река из маленького ручейка, то бишь из незначительного факта биографии, например женитьбы. Женитьба для охотника — это очень ответственный в его становлении момент, как момент спуска тетивы лучником. Женясь, каждый жених, а потом молодой муж становится потенциальным охотником, приобретая себе жену (читай, женщину), иногда на всю оставшуюся жизнь. Женщины все разные, как турухтаны на току, но их всех объединяет одно: когда вы на ней еще

не женаты, ее магнетизм достигает огромной силы и постоянства, иногда кажется, что ничего на свете не существует, кроме этого существа, намазанного медом. Но только стоит вам на ней жениться, как она делает все от нее зависящее, чтобы муж стал охотником и ждал открытия охоты с тем нежным и трепетным чувством, как некогда ждал он встречи с любимой женщиной, отсчитывая медленные секунды. Но не думайте, что любовь охотника к своей любимой женщине, разбавленная прозой жизни, угасла с началом охотничьего сезона. Нет, мои дорогие женщины, ваш охотник так стремится на открытие охоты потому, что ему уже ведомо то чувство, которое он испытывает, возвращаясь с чувством тяжести в ногах, легкости в рюкзаке и сухости во рту в свою уютную пещеру, где ждет его ласковая, такая теплая, любимая женщина, часто прозаически называемая женою.

Итак! Медленные минуты истекают. Вот-вот грянет. Тугие, увесистые рюкзаки, кстати, всегда более увесистые туда, чем обратно; начищенные, надраенные ружья готовы, как космический корабль к полету. Все учтено, ни о чем не забыто: ложки, кружки, туалетная бумага, штопор... Стоп! Штопор! Кто-то удивится: зачем на охоте штопор? На охоте, действительно, он не нужен, но на открытии... Заведется, бывает, в компании некто, кто возьмет с собой

нечто, что ни пальцем не проткнуть, ни ножом не выковырять.

Поезд неожиданно вынырнул из тайги. В левых окнах распахнулась широкая пойма реки. Быстро побежали назад разбросанные деревянные избы и также внезапно остановились под металлический визг колес.

— С полем!

— С полем! — коротко, но многократно аукнулось глухим эхом в эмалированных кружках традиционное поздравление.

Стол накрыли прямо на улице перед избушкой. Двенадцать мужских рук сотворили это чудо — стол, как творит затейливую симфонию оркестр хорошо сыгранных музыкантов. И льется эта симфония прямо над поймой красавицы реки, сдобренная крепким словом и острой шуткой. Прямо от стола к середине поймы, к реке, извиваясь, бежит тихо и беззвучно ленивый ручей, прорезая высокую траву. И кажется: чуть зазеваается ручеек — и спрячет его трава, что не отыскать его уже никогда. Время уже за полдень. Пора собираться на вечернюю зарю.

— Глянь, Сафроныч, ружьишко! Еще муха не сидела!

Через зеркальные кольца отполированных стволов Сафроныч смотрит на необъятные дали:

— Красота!

Прошелестела стая уток прямо над головами.

— Шилохвость шесть штук. Вчера семь было, — уверенно изрек Петрович, не поднимая глаз от трудной работы.

Каждый охотничий сезон он начинает с того, что сверлит очередную дырку в ремне патронташа — растет. Не сговариваясь, все зашелкали ружьями. Ружья все добротные, новые. Только у Петровича курковка с горизонтальными стволами выбивается из общего ряда: ложе перетянута синей изолентой, приклад, уже изрядно пошорканный временем, походит на кусок старой негодной деревяшки.

— Ты, дорогушенька, хоть бы изредка его чистил, — Антоныч деловито рассматривает верхушки деревьев через темные стволы берданки неизвестного происхождения.

— Ну, все за стол! — не ответив Антонычу, крикнул Петрович. — Глаз направить надо, и вперед! Темнеется сейчас быстро. На ту сторону перейдем, а там, на грязях, нынче утки — море. Давеча ходил, — Петрович положил в рот четверть помидора, — тучами летают. А ты, Антоныч, ружье, дескать, у тебя грязное. Я охоту уже открыл. Чирки да шилохвость, что ли, сами в шурпу прыгнули?

Вот оно, начало! Водная гладь старицы и грязи отливают свинцом в тусклом закате. Тишина!!! Ползешь на пузе к самой кромке грязи, где нахохлились утки. Большими кажутся на

суше. Еще немного хочется подползти. Взлетают. И только после дуплета видишь, как падает на воду чирок. Справа и слева взлетело много уток: и кряковых, и шилохвость, и серая. Сидели они незаметно под самой травой, и только пара чирковых попалась на мушку. Бывает, стреляешь по стае разномастных уток, и обязательно выпадают чирки. Закон бутерброда. Чирка охотник стреляет неохотно, чертыхнется обязательно, когда пляшет на мушке эта верткая бестия. Не каждый будет стрелять ее влет. Но на привале из ведра с утиной шурпой достают ее первой: ни чернеть, ни луток, ни гоголь тут не в почете. Поэтому тосты в таком случае произносят краткие и кружки долго не держат. И только если ты хорошо стреляешь птицу влет, у тебя есть шанс выхватить из ведра единственного в пестрой компании чирка.

Темнеется, а ты сидишь в высокой траве и слышишь выстрелы своих товарищей; там справа кто-то уже дважды сдуплетил: налетела, видимо, стайка другая. Вот и на тебя тянет косячок. Бах! Бах! Утка сложила крылья и падает в траву. И ходишь теперь кругами до самой темноты в траве по пояс и ищешь эту злополучную птицу, считая чьи-то выстрелы с почти одинаковыми интервалами: двадцать три, двадцать четыре.... Это кто-то подранка добирает, расстреливает свою зарплату.

Уже по темну бредешь в избушку с одним чирком в объемном рюкзаке. Недалеко за спиной кто-то громко, взახлеб рассказывает о зорьке. Слов не разобрать и только слышно: «Бах! Бах!» Впереди уже горит костер, и там тоже идет перестрелка: «Я ее бах, бах!» Впечатления переполняют каждую охотничью душу; они (впечатления), как тесто из кадушки, так и лезут наружу. Утиная шурпа уже готова, кружки расставлены, тосты пошли реже, но значительно длиннее: спешить уже некуда...

Слушать или читать охотничьи истории любит каждый, независимо от принадлежности к этому самому правдивому племени — охотникам. А уж рассказать свою историю мечтают все. Но удача не каждому улыбается. За столом всегда бывает один-другой любитель рассказать что-нибудь остренькое и вставить хоть слово может только самый отчаянный.

Наконец-то мы подходим к самой интересной части охоты — охотничьим рассказам, где нет места ни вымыслу, ни небывальщине. Все, что вы услышите у костра за чашкой чая, чистая, как хрусталь, правда.

Рассказ первый (Антоныча)

— Слушай сюда, — начал Антоныч. — В прошлом году пригласили меня на открытие охоты

в деревню Дылдино. Компания собралась веселая, вооруженная до зубов и очень опасная для окружающей дичи. Добирались туда на катере. По дороге все перезнакомились, и когда садились в старый бортовой «зиллок», друг другу «тыкали» и часто путали имена-отчества. Оказалось, что деревня стоит на берегу мелкой протоки километра три от Оби, потому и встречало нас это ископаемое автомобильного зодчества, прозванное в народе «труменом». Ни номеров, ни каких-либо опознавательных знаков на нем не было. Брали «трумена» у местного фермера, кто хотел, вернее, кто имел бензин для заправки. Деревня от всего мира была отрезана рекой, поэтому ездить особо некуда. Разве что на реку да вдоль протоки километров пять. Зимой фермер таскал на «зилке» сено коровам, летом-осенью возил охотников и рыбаков от реки до деревни да навоз на огороды односельчанам.

— Короче! — нетерпеливо заметил Петрович.

— Так вот, слушай сюда! Приехали мы в деревню, остановились на краю села, у местного егеря — Тит Титыча. Место очень похоже на это: и пойменные травы колышутся также, только протока пошире будет этого ручья. Моторки по ней шныряют туда-сюда, а вот катером не добраться: мели, местами завалы. Ни городские рыбаки-охотники, ни рыбохотинспекция в этот

медвежий угол не забираются, тем более что местный егерь знает, как их отвадить: одним — хорошие отчеты, другим — не хуже начеты.

— Тута простор! Тута свобода! — сказал Тит Титыч, как только мы свалились с борта.

Он быстро сориентировался и произвел, можно сказать, сортировку личного состава. Я удивился, как он, бестия, ловко устроил «на отдых» тех, кто уже «отохотился» по дороге. И даже самые шумные и задиристые его слушались. Был там один — все за ружье хватался: «Да я, блин, на фиг, гуся влет!» Мы даже побаивались его: народу в кузове полно. И кто знает, заряжено у него ружье или нет. А тут как миленький: раз — и в люльку.

Остались за столом самые стойкие: я, Тит да Шура Боров. Так его прозвали по дороге: фамилия у него Боровой оказалась. Кликуха ему к лицу пришлась. Я, сами знаете, на какой работе проработал: все пропьем, партком не опозорим, егерь еще был свеж, а Шура к зелью оказался стоек, как коммунист к провокациям. Есть еще богатыри на Руси...

— Короче, короче! — снова торопили Антоныча.

— Слушай сюда! — глаза рассказчика заблестели. — Тит Титыч послал двоих местных рыбаков сбегать моторкой на Обь за стерлядкой. Там сетешки его стоят. А до протоки — метров

сто. Через несколько минут летят наши рыбачки что есть мочи к нам, руками машут, что-то невнятное орут, назад оглядываются. Перепуганные, прямо ни живые ни мертвые. Подбежали. Рыжий на нас кинулся: «Вы же охотники, делайте что-то с ними! Они же рыбачить нам не дают!» Другой — здоровый детина тоже: «Мы идем к лодкам, а они в ручье купаются». Рыжий перебивает: «Лодки переворачивают! Там их трое: медведица и двое медвежат!» Глаза у рыбаков перепуганные, перебивают друг друга: «А пестун давай лодку качать». «Брызги в разные стороны...»

Смотрю: Тит Титыч в лице переменялся. Это потом я узнал, что в прошлом году медведица с медвежонком местного жителя поломала, теленка задрала у местного фермера.

Наш егерь уже пули на ходу в карманы набивает, ружье наготове.

— Побегу, — говорит, — наперерез, некуда им деваться, все равно в гриву пойдут.

Я тоже ружье расчехлил, пули зарядил. Шурик тоже готов к бою. И в самом деле, видим: возле лодок вдалеке копошится кто-то. Рыбачки наши уже за столом. Успокоились вроде, вино угомонном напахнуло. Только повторяют нетвердым языком:

— Делайте что-то с ними, вы же охотники.

— Они же рыбачить нам мешают.

Тот, что «гуся влет», проснулся:

— Что, медведи? Да я, на фиг, гуся влет, — достает ружье и по «медведям» из пятизарядки: бах, бах, бах, бах!

Не стало вроде медведей, потом снова шевельнулись у лодок... Тут и Шурик начал поливать, там и я подключился. Снова вроде медведи притихли. Дело уже к вечеру. Осенью солнышко быстро прячется. Титыч орет:

— Не стреляйте просто так. Прицельно бить надо! — и выстрелил по шевельнувшейся мишени дуплетом.

Медведь рявкнул.

— Завалил вроде! Не подходить! Вдруг подранок — в траве его не видать, вмиг заломает! Трава-то, вишь, по пояс!

Тут уже по всей деревне слух пошел, что охотники наконец освободят деревню от постоянной угрозы со стороны медведицы-людоедши. Канонада-то слышна в каждом доме, да и телефон испорченный в каждый дом принес весть, что приехала из города бригада опытных медвежатников по вызову егеря. И все уже знают, что коварная она, подняла свои грязные лапы на имущество рыбаков: поломала лодки, изувечила моторы. Чудом, дескать, Рыжий и Черкес остались живы. Деревня вся словно вымерла. Сидят все по домам, как мыши, и ждут победных известий. И только горе-рыбаки ходят от

дома к дому и везде их поят недостойной брагой в обмен на незатейливый рассказ об озверевших медведях.

— Подходим к лодкам, а там — медведи. Старшая уже за румпелем. Я ее веслом, — с пеной у рта распинается Рыжий.

— А я шарю — ружжа нету, Титьча, го-р-рю, нужно звать, а то всю шкуру испортим... веслами, — уже невнятно вторит ему Черкес.

И все слушают их. Бабы охают, мужики сочувственно поматывают головами: как же ружья не оказалось под рукой.

— Дальше, дальше! — уже с нетерпением подгоняют друзья Антоныча.

— Слушай сюда, — кричал после очередной рассказчик. — Стемнело. Заняли мы оборону, но в атаку идти не решались.

— Может, она в траве раненая затаилась? — кричит Титьч. — Шурик, беги к фермеру — «трумен» нужен! Теперь без техники не обойтись!

Уже кромешной темнью подъехал Шурик вместе с фермером и его братом. Тоже с ружьями. Попрыгали все в кузов — и к лодкам. Каждый готов был выстрелить по любому шороху. Напряжение нарастало. Ищем фароискателем — ничего. Из кузова никто не спускается. Хоть и подогретые все, но помнят наказ Титьча. Только тот, что открыл канонаду, орет с пеной у

рта: «Да я, на фиг, гуся влет!», но тоже из кузова ни-ни. Только у самых лодок на грязной тропе нашли четко отпечатанные медвежьи следы. Правда, все маленькие.

— Она где-то в траве спряталась, — нагоняет страху Тит Титыч.

Но так и не нашли большой след медведицы-хулиганки. Ни медвежат, ни мамки-хищницы, только рыба раскидана по тропинке да рюкзак лежит. А следы медвежат теряются в густой траве.... Так и вернулись ни с чем. Попили чайку и решили ложиться спать: утро вечера мудренее.

— Медведей, медведей-то что, бросили? — не выдержал Сафроныч.

— Медведей-то вовсе и не было! Слушай сюда! В то время, когда наши горе-рыбаки Рыжий с Черкесом по заданию Титыча подходили к лодкам, прибыли с рыбалки другие рыбаки с уловом. Привязывают они лодки, вычерпывают воду и только взвалили увесистые рюкзаки, как по ним открыли огонь. А рыбаки эти еще те! Любили они иногда проверить чужие сети. И на этот раз у них рыльце в пушку было. Вот и решили они, что пришла «за все хорошее» расплата. Растеряли они и рыбу, и рюкзаки (один рюкзак, кстати, прострелил-таки Титыч) и, как стемнело, по овражку в высокой траве приползли незаметно в деревню, зашли к одному

домой и просидели до утра тихо, боясь расправы. Только утром признались они в своих грехах, а заодно и прояснилась странная картина этой странной облавы.

— А следы?

— Так они же ползали на корячках, вот и наследили руками... Тут еще не конец. Вся деревня полнилась слухами, что медведицу-террористку ранили, и она ночью обязательно посчитается за нанесенную обиду. Естественно, никто не знал, на кого выпадет крапленая карта.

— А медведица-то в первую руку будет искать того, кто начал стрелять, — пошутил Титыч, — и пока не снимет скальп, не успокоится. Шибко медведи мстительные.

— Почему я, почему я? — запричитал тот, что «гуся влет». — Антоныч тоже стрелял...

Все в деревне позапирались, сидят по домам в страхе. Восемь пар стволов дежурили в доме егеря. Дух бодрости и непоколебимости поддерживали привычными средствами. Только тот, что «гуся влет», забился в угол и все причитал: «Почему меня? Антоныч тоже стрелял...»

Разоблаченные рыбаки, любители до чужого, перепуганные вусмерть страшным обстрелом, пришли-таки утром с повинной, притащили снятую из чужих сетей рыбу.

— А мы, эт самое, смотрим: идут вроде Рыжий с Черкесом, а потом увидели нас и побежали в избу Титыча, — рассказывал один из пострадавших. — Ну, думаем, попались. Заложил кто-то, что мы сети Титыча потрусили.

— Потом — бах, бах! Мне вот рюкзак пробило, — продолжал другой.

Посмотрел я на этих рыбаков: стоят у порога перепуганные, все трое росточка маленького — метр с шапкой. Жалко смотреть. И думаю про себя: «И кого же из них Рыжий с Черкесом за медведицу приняли?»

А Черкес и Рыжий в это время спят себе и в ус не дуют. Еще и улыбаются во сне.

— Счас бы, блин, стерлядочки к водочке! — это уже Титыч отошел от ночного кошмара, улыбается в бороду.

— Вот она, Титыч! — и «медведи» положили на стол полиэтиленовый пакет со стерлядью. — Твоя это.

Вот тут только мы расслабились. Все хорошо, что хорошо кончается.

Рассказ второй (Петровича)

Это было в прошлом году. Собрались мы с другом на открытие. Первая суббота сентября. Зарядили накануне патроны, собрали все необходимое с вечера, условились, что я захожу в

пять утра (в это время еще темно) к Шаману, такую кличку ему дали уже давно за когда-то вечно растрепанную вороную шевелюру и крупное со страшилкой лицо. Теперь Шаман облысел, лицо его стало круглым, как осенняя тыква. Этот факт, кстати, сыграл не последнюю роль в моем рассказе.

— Что-то мне нездоровится, — уже перед моим уходом сказал Шаман, — нехорошо внутри.

— Не выкручивайся, — говорю ему, зная, что он стал тяжелым на подъем.

— Ну ладно, я ведь не отказываюсь.

А дальше все пошло наперекосяк. Закрутило Шаману живот. Только сбегает на двор (у него все удобства во дворе), как снова его туда тянет страшная нужда. Жене ничего не говорит — страдает в одиночку. Уже избегался весь.

— Ты че все дверями брякаешь? — осерчала на него жена.

А он:

— За погодой наблюдаю, соображаю, что надеть завтра.

А она:

— Че-то подолгу наблюдаешь! — и принюхивается к нему: не пахнет ли от него женскими духами.

Шибко ревнивая она у него. А от него какими там духами...

— Я, пожалуй, в стайке заночую.

Позвонил он мне вечером, сказал, что будет спать на чердаке в стайке. Собрал он рюкзак, взял, что потеплее, одеться, одеяло — и на чердак. Жена пока не удостоверилась, что он на ночлег устраивается, не успокоилась. Ну а Шаман, когда стемнело, залез на чердак, раздвинул жерди, снял штаны, лег на спину, да так и проспал до утра, избавившись от необходимости каждый раз бегать туда-сюда.

Утром, как условились, я захожу в стайку, включил фонарик и направил луч в потолок. Тут меня как током шибануло: лысая башка Шамана между жердей свешивается. Посинела уже. Я обомлел, ноги подкосились, даже голос куда-то девался. И чуть не шепотом кричу:

— Толя! — а он молчит. — Толя! Толя! — молчит.

Меня в пот бросило, какой-то комок противно перекрыл горлянку. «Умер», — шибануло в голову. К тому же вчера на здоровье жаловался. Выскочил я из стайки, кричу:

— Люда! Люда!

Выскочила Людмила на крыльцо.

— Че надо?

— Толя умер, — выпалил я.

Она как завоет — и в стайку, я с фонариком за ней. Фонарик навожу вверх, а там Толя проснулся и аккуратно штаны натягивает на свой синий от ночного холода зад.

— Че орешь как недорезанная, — говорит.

— Ах, это я недорезанная?! Ишь, устроился с шалавой своей. Штаны не успел застегнуть, кобель шелудивый. Я те покажу недорезанная, я те покажу Зинку, я те покажу охоту, я те покажу....

Я вышел на улицу. И смех меня душит, и не могу отойти от потрясения. Людмила забежала, засуетилась и все повторяет:

— Я те покажу, кобель шелудивый, я те покажу....

Зашел я в дом воды попить: шибко в горле пересохло от волнения. Смотрю в окно: побегала Людмила к стайке с чайником. Не успел я дух перевести да успокоиться — полыхает уже стайка. Людмила, оказывается, соляры из чайника налила на сухую деревянную стенку стайки и подожгла. Они печку солярой разжигали. Пламя полыхнуло сразу и набрало силу пожара. Шаман выскочил уже через выломанную дыру во фронтоне, зашиб колено. Прыгает вокруг, орет благим матом.

Вызвали пожарную. Пожарные приехали, когда стайка догорала на глазах сонных зевак. Все стоят, не шевельнутся, только Людмила бегает и причитает:

— А-а-а, распутная! Не успела штаны одеть! Сторишь синим пламенем! Так тебе и надо, будешь знать, как на чужих мужиков зариться!

Тут заволновалась толпа: как же — человек остался в огне.

— Да никого там нет, — как-то обреченно сказал уже притихший Шаман.

— Уже нет! Сгорела твоя Зинка! — громко, что бы слышали все, истерично закричала Людмила.

Несмотря на усилия пожарных, стайка догорела и задымила. Кто-то длинным крюком, растаскивая бревна, выволок на пепелище кусок обугленного скелета. Ребра оголились от огня, смешались с пеплом. Все замерли. Людмила села на землю и запричитала:

— Я не хотела!.. Не хотела я!..

Шаман залился смехом:

— Сгорела грудинка. Только тесть поросенка зарезал. Еще даже не попробовал.

К толпе подошла миловидная Зина:

— Что случилось? Наверное, проводка? У меня в прошлом году тоже баня от проводки сгорела.

— Прости, Зинаида, прости, соседushка! Грех на душу взяла! — голосила Людмила.

Вот вам и охота. А стайку мы помогли Шаману отстроить. Помогала вся улица. Через две недели стояла у Шамана новая стайка, лучше прежней.

— Только жаль, что потолок сплошной сделали, — сетовал Шаман.

Рассказ третий (Николая Александровича)

Напросился с нами как-то на охоту директор поселковой школы, человек азартный, подвижный, с вечно широко открытыми глазами, брат моего приятеля. Всему он удивляется, все для него в лесу как будто ново. Дичь он видел только добытую братом или на картинках. Бывало, возьмет чирка и говорит: «Ты зачем утенка убил?» Или: «А это что за птаха?» — и поднимает косача. «Косач», — говорю. А он: «Почему косач, у него что, глаза косые?»

Ну вы поняли, какой он был охотник.

Отсидели мы зорьку на утку и пошли безрезныками косачей посмотреть. Наш-то охотничек ходил, бродил и, как в русских сказках бывает, когда дуракам везет, убил косача. Ни рюкзака, ни ягдаша для дичи нет, и, чтобы не таскать его в руках, положил он косача под приметную березу. Ее молнией шандарахнуло, и все знали эту старую березу без верхушки как верный ориентир. Следом шел его брат, опытный охотник. Видит: ястреб-тетеревятник сидит на увечной березе. «Вот, — думает, — почему косачи исчезли враз. Затаились они». Прицелился, шлепнул его, подходит к березе, а там рядом с тетеревятником лежит еще

теплый косач. Брательник подумал, что тетеревятник сбил в полете косача и собирался трапезничать. Забрал он косача и направился к месту сбора охотников. Там уже костер, шурпа кипит утиная.

Рассказал он нам историю про чудом добытую птицу, показывает матерого косача — вороное перо с поврежденным хищником крылом.

Такие истории нечасто встречаются. Начали вспоминать подобные случаи. Я рассказал, как на моих глазах ястреб напал на летящую стаю уток и схватил на лету одну, и та так орала и отбивалась, что вырвалась-таки из его когтистых лап....

Незаметно подошел директор, прислушиваясь к разговору.

— Мужики, — начал он с восторгом, — и со мной сегодня интересный случай произошел. Я бы сказал — невероятный. Даже не знаю, как и рассказать. Вы можете не поверить.... Убил я косача, положил его под березу во-о-о-н ту, без макушки, — он указал рукой, — чтобы не таскаться с ним. Через полчаса прихожу, а на том месте лежит ястребдохлый, а косача нет. Обшарил я все вокруг — нет птицы. Тут я смекнул: он же сожрал косача и сдох. Сожрал и сдох! Кому расскажешь — не поверят.

Мы сначала похихикивали, а потом взорвались дружным хохотом. А он не поймет, отчего мы смеемся и продолжает:

— Вот и вы не верите.

Мы еще громче, а он:

— Теперь я верю, что на охоте всякое случается. Раньше я не верил этим байкам. А тут сам же вижу: сожрал косача и сдох. Куда только влезло?

— Перья хоть остались от твоего косача? — спрашивает сквозь смех его брат.

— Какие перья? Все, скотина, сожрал, подчистую вместе с перьями. Потому и сдох: подавился.

Рассказ четвертый (Петровича)

Знал я двух товарищей. Вместе охотничали. Друзья — не разлей вода. Но спорили между собой по любому поводу: то ружье у одного лучше бьет, то нож у другого острее, а то из-за дичи поспорят — у кого глухарь крупнее. Оба упрямые, друг другу уступать не хотят, но и на охоту один без другого не ходят. Все вместе. Вот и на этот раз возвращались они вместе в таежную избушку. Вот один и стал распекать своего друга:

— Да у тебя ружье сыпет, вот подранки и уходят. Да ты и с пятидесяти шагов мне в задницу не попадешь.

— Я не попаду? Смотри, пожалеешь...

— Вот придем в избу, посмотрим. Я спорить могу, что не попадешь. При свидетелях стрелять будешь.

А сам выковырял дробь и положил в патрон моху и сверху пыж стандартный заводской с отметкой «1».

В избе уже чай наливают, собралась вся компания.

— Сейчас посмотрите, как этот охотник мажет. Мы поспорили, что он с пятидесяти шагов в задницу не попадет.

— Кто задницей жертвует? — спросил кто-то.

— Я, — ответил спорщик.

Достает свой спецпатрон, отдает другу вместе с ружьем и отходит на положенное расстояние. А тот смотрит на патрон — «единичка». «Крупноватая дробь, — думает друг, — хоть и завел он меня, но друг ведь — жалко крупняком по заднице».

Достает свой патрон с мелкой дробью «бекасинником». Заряжает...

И тут рассказчик замолк.

— Ну и как, попал? — смеясь, спросил Антоныч.

— Попал. Кучно заряд лег... — как-то обреченно изрек рассказчик.

— Друг-то как там, на большухе, поживает?

— Нормально, только скучает по северу... Так вы эту историю знаете? — Петрович почесал то место, где у него до сих пор катаются под кожей мелкие дробинки.

— Ну что ж, давайте за друга моего выпьем, — добавил рассказчик. — Жаль, что он далеко. Обещает приехать.

Разговор как-то сам по себе угасает, как и костер, в который давно уже никто не подкладывает дров. Вечер переходит в ночь, небо вызвездилось, что обещает утренний заморозок.

Друзья-охотники выходят из-за стола, рассаживаются вокруг костра с кружками чая, подкладывают сухого хвороста, костер вспыхивает с новой силой, выбрасывая в темное небо снопы искр, которые, смешиваясь со звездами, придают праздничность и величавость этому застолью. Установилась тишина. Ночная прохлада, приятно сочетаясь с нежным теплом от костра, располагает к раздумьям и быстро нагоняет дремоту.

— Ну что? Спать! — вяло командует Петрович. — На утреннюю зорьку подниму затемно.

Охота продолжается. Завтра утренняя зорька, скоротечная, как миг. Пока швыркаешь чай, уже начинает светать. Дойдешь до грязей — уже и солнце взошло, а там и лет утки закончился — и домой.

В поезде все заваливаются на свободные полки. Усталость наливает веки свинцовой тяжестью. Не все пассажиры понимают охотников, от которых пахнет костром, лесом и еще чем-то непонятным, но с завистью смотрят на смиренные лица, улыбающиеся во сне.

2001–2002 гг.

НЕОБЫЧНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ

Все любят слушать охотничьи байки. Но представить себе в качестве слушателя... зайца вряд ли кто решится.

По первоснегу собрались мы с Григорием Спиридоновичем тропить зайца. В тот раз все в нашу пользу шло: и снежок выпал ровный, без надувов на промерзлую землю, и, что немало важно, давно не подсыпало, а именно сегодня чуть потрусило, что давало нам возможность свободно бродить по чистому переновку и читать свежие следы. Часто в здешних местах случается, что первый снег ложится сразу толстым пуховым одеялом и ходить тяжело: ни пешком, ни на лыжах. Навалит, бывало, враз сугробы зимушка и не даст охотникам порезвиться, потропить белячка пешком, без лыж: опостынут еще за долгую зиму. А тут все ладом сложилось, лучше не бывает.

В дальнюю избушку, что стоит в пойме реки Ватинский Еган, добрались уже за полдень и пока заготовили дровишек, кое-что поправили: запасной рубероид приладили — течь образовалась в месте, где пакостливый медвежонок порвал когтями. Тут частенько так бывает. Живет

в гривах неподалеку медведица. Давно с ней заочное знакомство ведем. Сама-то она не пакостит, а вот последыши ее любят поозорничать. Избенка жиденьякая: четыре кола обтянуты рубероидом, буржуйка малюсенькая, да нары на три-четыре человека. Избушка сделана для весенней да летней рыбалки. Но, пока морозы не расходились, можно в ней ночку-другую скоротать: знай топи. Каким образом образовался этот березовый островок на пойме, того мы не знаем, но вот в той стороне, ближе к гриве, еще имеются такие и поболее нашего будут. Поросшие мелким осинником, они привлекают разнообразную дичь. А там, в другую сторону, намывали дорогу гидронамывом, теперь на месте намытого песка ивняк густо кучерявится. Заячьи места...

Но этот островок особенный, только береза растет здесь, привлекая косачей. На самую середину поймы забрался березовый остров. Место насквозь продувное, и летом тут комарья водится не так густо. Про то и медведица знает и частенько летом отлеживается с малышами в этом созданном природой раю.

Бывало, летом за карасями с Григорием сюда заберемся, когда река в берега войдет и озера карасевые обозначатся. Время как раз самое комариное, а тут, на Березовом острове, свежачок гуляет, и племя это самое комариное не так

донимает, как в других местах. Тропинку сквозь пойменную траву топтать не нужно, уже натоптана. Мы-то знаем кем, но никакого страха и в помине нет. Не первый год знаемся. Трава, в рост какого-нибудь великана, гладит одежду, нависая сверху склоненными тонкими верхушками, скрывает нас. Комариное царство. Уже наглotalись этой мрази, пока потно пробираемся сквозь зеленую пелену. Ноги первые чувствуют близость спасительного островка: легче становятся резиновые болотники, они уже не чавкают болотной жижей, веселее перебирают по твердому, а вот и трава становится ниже, появляются медвежьи следы на сырой глине и тут же снова теряются: все вышли на сухую тропинку.

— Здесь она, — говорит прерывисто Григорий, переводя дыхание.

— А где же ей быть в такое время, от комариков спряталась, — я снимаю рюкзак и наклоняюсь над следами на сырой глине. — Два... или три... — пытаюсь разобраться в следах и определить сколько медвежат.

— Вот, видишь, пестун с ней ходит, — указал на средних размеров след, — но не пойму... сколько малышей...

На этом наш интерес, проявленный к медведице и ее семейству, исчерпывается. У нее каждый год то один, то два малыша появляются.

В прошлом году один родился. Вот он — пестун и ходит пока с ней. В следующую зиму уже сам ляжет, хватит с мамкой воландаться.

Поздним вечером как-то завизжал по-детски маленький. Видимо, проштрафился и получил оплеуху, а может, старший братишка обидел. Больше мы их не слышали, хоть и знаем, что они рядом, не более чем в ста шагах. Так частенько летом соседствуем: у них свои заботы, у нас — свои.

...Места здесь заячьи. Не более недели лежит снег, а следов уже много по осинникам настрочили зверюшки. Ну так вот: швыркаем утренний чай, дровишки с вечера запасенные подкладываем в прожорливую печку; тихо, хрипловато о чем-то беседуем. За стенкой слышался шорох. Мы замолчали, и за стенкой смолкло.

— Кедровка шарится, — Григорий звучно потянул горячий чай.

— Кто еще... она, — подтвердил я.

Кедровка каждый раз встречает нас в избе. Она даже сопровождает нас, весь свет по пути извещая о нашем присутствии. Потому на охоту по дороге мы не надеемся. Все живое, предупрежденное стрекотней, прячется.

Как-то бросил ей кедровую шишку. Она бесшумно спланировала с кривобокой сосны, ловко схватила ее, уселась на витую сухару,

пристроила шишку в расщелину и давай ее лущить, не обращая на меня никакого внимания. Потом я повторил опыт, и снова кедровка не растерялась. Потом я бросил шишку ближе. Она сцапала шишку, словно меня и не было рядом. На следующие выходные я уже шишку положил на чурку рядом с дверью в избушку и стоял в метре от нее. Кедровка, сидящая прямо надо мной, косила глазами то на меня, то на шишку, потом заорала во все горло, снова завертела головой, словно хотела отогнать меня прочь. Я стоял не шелохнувшись. Сорвалась она, нырнула вниз, схватила добычу, тут же оттолкнулась и уселась на свое излюбленное место. Так повторялось еще не однажды. Благо в то время мы с другом на охоту выбирались каждые выходные. Однажды я не стал шишку класть на стол или чурку. Я вытянул руку и положил на стол. На моей ладони лежало лакомство для этой горластой бестии. Кедровка заволновалась, заперелетала с ветки на ветку, заорала и бранилась долго, но я сидел по-прежнему, не шевелясь и стараясь на нее не смотреть. Вдруг появилась на столе эта пестрая красавица. То на меня сверкнет своим карим глазом, то на шишку. Наконец-то решилась, голод-то не тетка: скакнула к ладони, проворно схватила свою добычу и тут же оттолкнулась, взмахнула крыльями и была такова.

...Тут и впрямь кедровка стрекотнула.

— Кедровка, я же говорил, — Спиридонович громко поставил кружку на самодельный стол.

За стеной снова слышалось шуршание.

Григорий прислушался и, что-то решив для себя, качнул характерно головой, обозначив решение указательным пальцем, начал новую байку о своих многочисленных охотах. Он иногда прерывался, прислушиваясь к шорохам.

Пока одевались после горячего чая — упарились, вышли на улицу, ступив на свежую порошу.

— Повезло, — указал я на ровный свежий снежок, — все следы сегодня свежие.

— Да-а-а! — протянул Григорий и шагнул за угол избышки. — Смотри, смотри! — приглушенно выкрикнул он. — Зайчик-то все утро нас слушал.

За избышкой, где всегда продувало сквозным ветром, снег только притрусил опавшие листья, а на самом углу виднелся вытаянный пятачок и заячьи следы, приведшие его к нам и уходящие в березняк по нашей старой тропинке. Вот заяц и шуршал сухими листьями, слушая наши байки. Про себя да про своих соседей-друзей слушал.

АЛЛО! ВАС РАЗЫСКИВАЕТ ИНТЕРПОЛ...

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Надо же! Занесло Емелю Заморкина со своей Манюней (как ласково называл он свою пышногрудую жену) в Америку несчастье: умер его дядя. Нашли их через Интерпол. Такое, говорят, несчастье: ваш дядя Джон Заморк (Иван Заморкин) почил, и других родственников у него нет. Вы, говорят, единственные наследники. Не знают, радоваться или скорбеть: надо же — такое несчастье свалилось как манна с небес. Наследство, говорят, скромное: дом в пригороде Чикаго и небольшая сумма в банке.

Дом с красивыми балкончиками, черепичной крышей действительно по сравнению с соседними особняками небольшой, но ухоженный участок земли, цветники, асфальтированные дорожки, гараж, искусно замаскированный зеленью, понравились найденным родственникам, и они не стали отказываться от внезапно напавшего на них везения. Сумма тоже оказалась не такой уж и маленькой.

— Два миллиона баксов! Да я столько капусты в одной куче никогда не видал.

— А твоя мама говорила, что дядя Джон бедный.

— Да, говорили, он питался в дешевых столовых для безработных. Не женился... Копил... Для кого? — Емеля характерно пожал плечами.

— Дурень! Для тебя. Благодарить должен дяденьку, — Маня потянула рукавом под носом, что означало: вопрос исчерпан.

— Спасибо тебе, дядя Джон. Век не забуду! — Емеля, перекрестившись, переступил порог уже своего дома.

Недолго думая, Емельян Заморкин собрал по сусекам остатки обменянной еще на родине валюты и закатил пир, пригласив новых соседей и знакомых своих знакомых, которых ему рекомендовали встретить в незнакомой Америке.

— Слушай, Кирзон... — запнулся Емеля, несколько отягощенный непривычным виски.

— Давид Ефимович, — напомнил ему лысый как колено знакомый московского друга Емели — Семы Виздоха.

— Так вот, Давид! Сема Виздох деньги тебе передал. Две штуки баксов. Ну ты знаешь за что.

Давид Ефимович улыбнулся масляной улыбкой. Деньги он любил.

— Но получишь ты их после того, как я улажу все дела. Понял?

— А почему не сейчас? — лицо Кирзона затмилось вопросительным знаком.

— Эта накрытая поляна, — Емеля широким жестом показал на роскошный стол, — что, по щучьему велению тут образовалась?

Давид Ефимович поперхнулся. Деньги ему полагались за посреднические услуги в деле вызволения из полиции сына Семы — Арона. Тот устроил пьяный дебош в кафешке. Арон сам уплатил штраф, но отпустили его под поручительство Давида Ефимовича, что давало ему простор для вымогательства.

В письме своему другу Семену Виздоху он сообщал подробности вызволения, которые были оценены в две тысячи баксов. «Ты меня хорошо знаешь: я копейки себе не возьму, но хозяин кафе, адвокат... У нас все дорого, так что ты отделался мелкими царапинами, можно сказать...»

«Мелкие царапины» в своем семейном бюджете Семе предстояло заделывать не меньше года. Он догадывался, что каждый человек в свою меру грешен. Давиду Ефимовичу явно чувство меры отказало. Но Сема согласился на тот случай, вдруг Арону понадобится снова помощь его безмерно грешного друга.

— Но ведь это мои деньги, — несмело и тихо выдавил Давид Ефимович. — Когда вы мне вернете?

— Как только — так сразу! Я же сказал: как получу дядюшкино наследство, так сразу и отдам... Может быть...

— Что «может быть»? — засуетился Давид Ефимович.

— Может быть, сразу, как только получу... Выше голову, Кирзон! Смотрите в будущее с надеждой. Я что, похож на жулика? — Емеля громко икнул и налил себе и Кирзону виски. — Какая гадость!

Сосед умершего дяди Дебилстон с самого начала вечеринки стал обхаживать Маню. Прямо не отходит от нее. Маня, румяная девица, имела ту полноту, которую хочется потрогать. Дебилстон не был исключением. Ему тоже хотелось. Он чуть глаза свои бесстыжие не сломал, нагло разглядывая роскошное декольте, отпуская комплименты после каждой выпитой рюмки. Нос его так и лезет в живописную щель.

— Что ты, — говорит Емеля, — пялишься? У твоей не меньше за пазухой, — и он ткнул пальцем в тугие полушария Мери.

— Так то ненастоящие. У твоей тоже силикон? — спросил Дебилстон, громко икнув.

— Чего? Я тебе сейчас как засиликоню!

Дебилстон ловко увернулся, подавшись жирной спиной назад.

— И соски есть? — спросил он осторожно.

— А куды они деются. Ты что, — говорит Емеля, — пристал к моим... к Манькиным грудям?

— Так я в жизни настоящего соска не видел. Наши-то женщины уже в третьем поколении на силиконе. Вот и перевелись у них... — сказал он как-то обреченно. — Поглядеть охота. Сто баксов заплачу...

— Я тебе... — сначала осерчал Емеля...

А потом подумал: жалко, что ли? Лишь бы Маня не взбрыкнулась, а то враз фарфоровые зубы Билла (так он стал для краткости называть своего соседа) повылетают.

— Ладно, поговорю с Маней, но про деньги забудь, не надо.

— За все платить положено, а если позволит пощупать, то пятьсот заплачу.

— Я те дам пощупать! — снова взорвало Емелю.

«А хрен с тобой: не мыло — не измылится, — подумал Емеля Заморкин. — Маню бы уговорить. Не за деньги — мужика жалко. Как же, за всю жизнь соска не видал».

Маня тоже сначала — на дыбы, а потом вошла в положение:

— Ладно, только я так, не за деньги. Шибко жалко тебя.

— Видишь ли, Марья...

— Ивановна, — напомнила Маня.

— Так вот, интимные отношения имеют для человечества огромное значение в плане продолжения рода, — начал подбивать клинья Дебилстон.

— Мне так кажется, что не каждый эпизод таких отношений на пользу человечеству, — она брезгливо глянула на громко глотавшего слюну толстого Дебилстона.

В Америке так просто нельзя. Все денег стоит. Билл, ошарашенный увиденным, вытащил кучу баксов и начал отсчитывать трясушимися руками десятки.

Назавтра приехали его друзья, тоже любопытные. И все баксы вываливают. Оказалось, у них там только по телевизору показывают и то по какому-то дорогому каналу, а вживую посмотреть — бешеных бабок стоит.

Смекнул тут Емельян: не пропадать же добру. Хоть, как говорится, на обратную дорогу выручить. Посоветовались с Маней, покумекали и дали объявление в газету.

Наутро — очередь у ворот. Машины некуда парковать. Дело споро пошло: поглядел — сотня, пощупал — пятьсот. Следующий...

Какой-то старичок в азарте щипнул. Маня с развороту — в рыло. Старичок довольный такой достает тысячу долларов: у них-то забыли, когда баба рожу мужику била за это. Нет охотников спринцовки щупать. А на нет и суда нет. А тут и денег не жалко. Тщедушный старичок, хихикая

как ребенок, тянет свои ручонки к упругим округлостям. Маня уже с другой руки приложилась, а он снова тысячу долларов достает.

— Мы тебя за сексуальное домогательство — к суду! — заорал Емеля.

— Да что ты к нему пристал. Пускай забавляется, — и Маня еще раз вlepила звонкую затрещину назойливому старику.

Тот снова полез в бумажник.

— К суду? Хорошо! Я вам своего адвоката завтра пришлю. Он вам судебный иск поможет сформулировать, — старичок вдруг оживился. — Только вы не передумаете?

— Я даже не знаю, — опешил Емеля. От неожиданности он раскрыл широко рот. — Ты что, дедуля, серьезно хочешь, чтобы мы подали иск за сексуальное домогательство?

— Конечно! Такой процесс будет! Я потом мемуары напишу. Внуков на всю жизнь обеспечу. Я же бывший конгрессмен. Жизнь прожил, и написать нечего. Скукота! А это — чтобы вы не передумали иск подать, — и он стал заполнять чек на пять тысяч долларов.

— Ты мне чеки не суй, знаем мы всякие облигации да ваучеры. Научены! — вошел в раж Емеля. — Налом вали... тысячу.

— Пожалуйста, — не понял фокуса любвеобильный старик. — Только, чур — больше ни с кем судебные тяжбы не затевать.

— Гони за эксклюзив, — уже окончательно обнаглел Емеля.

Дело пошло. Не хватало рук. Публика все избалованная: раздеть, чаем-кофе напоить, деньги принять, квитанцию выписать... С квитанциями чуть промашка не вышла. Хорошо, что у Мани в кармане оказалась какая-то завалявшаяся из дома быта. Вывели чернильную писанину и накопировали квитанций прямо с печатью дома быта «Незабудка». В Америке ведь как? Есть квитанция, значит, все законно. Через неделю-другую Емеля понял: без помощника не обойтись.

— Слушай, Давид Ефимович, — позвонил он как-то Кирзону, — хочешь через две недели деньги получить?

— Хочу! — с готовностью ответили ему.

— Ты чем по вечерам занимаешься?

— После двух я свободен... каждый день.

— Мне кассир нужен. Две недели отработаешь, и я тебе деньги отдам.

— Но это же мои деньги! Почему я должен их отрабатывать? — сорвался на крик Кирзон.

— Ну как хочешь. На нет и суда нет...

— Я согласен! — прервал Емелю обескураженный Кирзон.

Кирзон оказался неплохим кассиром. Аккуратно выписывал квитанции, принимал деньги. Он уговорил Емелю брать чеками, сам же

обналичивал в банке и аккуратно отчитывался о проделанных банковских операциях. Жалоб от клиентов не поступало, и Емеля остался доволен выбором проворного кассира. Желая задобрить босса и получить свои деньги, Кирзон заметил:

— Вам, господин Заморкин, необходимо легализоваться, то бишь открыть фирму, чтобы избежать неприятностей. Я помогу. За услуги дорого не возьму — тысячу долларов.

— Молодец, Кирзон! Я тебя на работу возьму. Своим заместителем. Только смотри, не зарывайся!

— Я за восемьсот открою вам дело, — на одесский манер пропел Кирзон, преданно глянув хозяину в глаза.

Ему и в страшном сне не снилось стать заместителем директора. Всю жизнь, имея университетское образование, он разносил гамбургеры.

— А шо, вы не шутите насчет заместителя директора фирмы?

— Век воли не видать! Какие шутки? Только не зарывайся...

— За семьсот, за семьсот! — перебил Емелю Давид Ефимович.

— Что ты торгуешься, как в четверг на привозе. Ты же штатный сотрудник! Завтра откроешь дело. Фирму назовем «Недотрога». И запомни: это входит в твои служебные обязанности. Так

что действуй, Кирзон! — Заморкин похлопал своего заместителя по плечу, от чего Кирзон втянул живот и выпятил грудь.

Закрутилось колесо. Капитал Заморкина рос как на дрожжах, и он стал подумывать о расширении дела.

— А что, если твоих сестер и племянниц к делу приобщить? Они у тебя все фигуристые, все при теле, только без дела, — скаламбурил как-то Емеля.

Он стал замечать, что Маня за два месяца спала в теле, что могло привести к потере зрительских симпатий.

— У тебя, Емеля, золотая голова! — согласилась Маня и стала составлять списки своих родственников.

— Заработаем на билеты и командирuem Кирзона в Россию.

— Два миллиона уже заработали! — возмутилась Маня.

— Кирзон на те деньги офис прикупил в Нью-Йорке, раз дело расширять думаем.

Кирзон смотрел в иллюминатор на руно нескончаемых облаков, возомнив себя чуть ли не Богом. В Россию летит. И не так просто, а по делу, в ранге заместителя директора процветающей фирмы. Это вам не хухры-мухры.

Как увидел Емельян родственников своих, возрадовалось сердце: фигуристые, румяные,

одна к одной чеканят шаг по передвижному трапу.

— Больше пяти на трап не становиться! — закричала стюардесса.

— Взлетели кое-как, — поясняет шефу Кирзон. — На борту паника началась. Бортмеханик в багажное отделение полез, а груза там почти нет. Вы же сами сказали, чтоб налегке летели. Потом только поняли, отчего перегруз получился... Я всех проверил. У женщин все это... Как его... На месте, — словно спохватившись и с явными признаками подхалимажа затараторил Кирзон.

— А куды они деются... Слушай, Кирзон, я за такие штучки высчитаю из твоей зарплаты... за бесплатное, так сказать, созерцание... — хихикнул Емеля.

— Я зам шефа, мне по должности положено, — быстро перебил Кирзон Емельяна, боясь, что крутой шеф примет поспешное решение.

Во всех штатах теперь имеются филиалы гигантской корпорации «Недотрога». Кирзон уже стал вице-президентом корпорации и завел целый штат исполнительных директоров. Дело свое знает и умело умножает капитал своего шефа. Емельян Заморкин — Джимми Заморк по-прежнему живет в доме своего покойного дядюшки, переняв его привычки. Жадность или расчетливость не позволяют ему окружить себя роскошью.

Он не ударился в безрассудное расточительство. Огромные средства вложил Емельян в производство силикона, его же крупнейшие медицинские центры занимаются пластической хирургией, вживляя силиконовые торсы худосочным американкам, что тоже дает приличные прибыли. А из России едут новые партии русских красавиц, сменяя вахту за вахтой, грудью своею закрыв прореху, через которую утекали раньше за границу капиталы.

Потекли денежные потоки из Америки в Россию через «Банк-оф-Нью-Йорк» полноводной рекой. Сбились с ног ЦРУ в Америке и ФСБ в России. Не могут определить происхождение огромного денежного вала. Березовский с Гусинским качают деньги из России, а деньги тут же возвращаются обратно, что поставило олигархов на грань банкротства. Устали березовские, устали гусинские. Нет в мире силы, способной противостоять красоте русской женщины...

— Слушай, Кирзон, как бы с Клинтонем дружбу свести? — спросил как-то Емеля за вечерней рюмкой коньяку.

— Зачем? — испугался вице-президент корпорации.

— Как это зачем? Знаешь, какие дела можно проворачивать? Я о космической программе защиты национальных интересов Америки подумаю.

— Когда это ты патриотом Штатов успел стать? — недоверчиво, зная замашки Заморкина, покосился Кирзон.

— Не петришь ты ни фига, Кирзон. Таким же недотепой стал, как коренные янки. Толку все равно от этой программы не будет — наши быстро противоядие найдут, а бабки срубить можно немалые. Как ты думаешь, если мы в Белый дом Меланью Леховодову зашлем?

— Ну, баба она хоть куда, но под каким соусом ее внедрить?

— Ты у меня зам, вице-президент, можно сказать, вот и думай! Но чтоб через месяц она там была! Не то не отдам две тысячи, что Виздох передал, — погрозил пальцем шеф.

— Будет она в Белом доме, и знакомство с Биллом организую, — сразу заверил Кирзон. Ему не давали покоя те две тысячи баксов.

Сдержал слово Давид Ефимович, и уже через три недели стала мелькать на экранах рядом с Клинтоном пышногрудая дама, личный его секретарь Моника Левински. Английский, что так усердно учила Меланья Леховодова, пригодился. И не только английский. Опыт, приобретенный в общежитии пединститута, как показало дальнейшее развитие событий, тоже не пропал даром.

— Во чешет, как на родном, — ткнул в экран Емеля. — Держи деньги. Можешь не считать,

ровно две тысячи. Заработал. А я вчера у Билла в теннис выиграл, — похвастался он Кирзону, переключая каналы телевизора.

— Ты что наделал! Он не любит, когда у него выигрывают. Мне Вьетнамчик, его советник по экономическим вопросам, говорил.

— Ничего, завтра проиграю. Контракт послезавтра подписываю на противоракетную оборону США. Меланья помогла... Там с МГУ физики приехали, ты их пристрой. Упакуй прилично, а то стыдно смотреть. Нищета. Потом отработают. Такая халтурка им предстоит... У-у-ух! — Емеля потряс кулаками.

Кирзон машинально втянул голову в плечи. На прежней работе ему иногда доставалось, и на сжатые кулаки он реагировал всегда одинаково: вжимал голову в плечи и крепко закрывал глаза.

— Все сделаю в лучшем виде, — вице-президент открыл глаза и расслабился.

— И пару миллиардов перекинь завтра в Москву.

— Вы что, Емельян Лукич? — начал выкать Кирзон. — Ведь только позавчера перечислил. Нельзя частить. И так все газеты словно взбесились. Скандал политический разразился. Вон даже Пал Палыча посадили ни за что. За прошлый месяц ввоз в Россию в два раза перекрыл вывоз капитала. Гусинский уже спекся, Березовского из петли вытащили. Нельзя частить, — повторил он.

— Ладно, в четверг перечислишь. И мешков десять баксов грузом отправишь. Там Виздох получит. В декларации укажешь, что американские флаги шлешь. На фестиваль, дескать... Они и проверять не будут.

— Может, подождать маленько. Нельзя так форсировать. Вон доллар посадили чуть не вдвое. Паника биржевая началась. Кризисом, пардон, пахнет... Клинтон у России заем просит. Зарплату нечем американским учителям платить. Полицейским за прошлый месяц зарплату русской водкой дали. Легче нужно на поворотах. Вам что, новый скандал нужен? И так сыскари уже след взяли, вот-вот появятся, — Кирзон начал заводиться.

— У нас все законно. Куда хочу, туда перевожу. Я налоги исправно плачу. Моя совесть чиста! Моя совесть чиста! Моя совесть чиста-а-а! — уже кричал Емеля, покрываясь потом...

— ...Успокойся, успокойся! — Маша положила руку на голову Емеле. — Что с тобой? Ты прямо весь мокрый.

Емеля сел на кровати полуоборотом, посмотрел на облезлые обои стандартной московской спальни. Теплом пахнуло от женского тела: Маня прислонилась к спине своего суженого.

— И приснится же такое! Позвони Виздоху. Деньги он Кирзону переслал? Тревожно как то. В Кремле-то хоть все нормально?

— В Кремле-то нормально! Бородина вот повязали... Ты что, Емеля, свихнулся? — стала тревожиться жена, поглаживая его лысеющую макушку. — Что это тебя на политику потянуло?

— А в Белом доме, в Вашингтоне-то все ладом? Кризиса нет? Клинтон-то хоть как там? — не обращая внимания на замечания жены, продолжал Емеля.

— Импичментом грозят ему. Связался с какой-то, прости господи, Моникой Левински.

Маня сделала испуганное лицо и снова приложила ладонь к потному лбу своего мужа, уместив его взъерошенную голову меж своих мягких округлостей, от чего Емеля на мгновение оглох.

— Я всегда тебе говорил, что сестра твоя, Меланья Лехоходова, — непростая штука.

— Ты снова за свое? — взвизгнула Маня, разрываемая ревностью к своей сестре, и шлепнула мужа по лысине.

Емеля сидел на кровати в семейных трусах, уставившись взором в пол. Телефонный звонок, с трудом пробиваясь сквозь теплые «наушники», вернул его к действительности. Он взял трубку...

— Алло! Вас разыскивает Интерпол... — услышал он ломаную русскую речь. — Ваш дядя Джон Заморк умер...

КЛОПЫ

Кому не случалось иметь сношений с разного рода чиновниками, чиновничками, лицензионными комиссиями, разными инспекциями (от налоговой до пожарной), с этой армией кровососущих государственных созданий — клопов.

Кто их создал? Творцу хочется глянуть в глаза! И спросить: «Ты че натворил?»

Небольшое, или, как принято называть, малое предприятие решило родиться. Оно начало мучиться мыслью: а кто его ждет в этом мире, кому оно нужно?

Напрасно маешься, дружок, — ждут тебя, будь покойным. Ждут не дождутся, когда ты вылезешь на белый свет, те, кто присматривать будет за тобой на протяжении всей жизни. Да, да! Ты будешь окружено вниманием повсеместно и постоянно. Тошно станет от этого внимания. Так устроен этот мир, что без тебя они существовать не могут, как описторхис без промежуточного хозяина. Без тебя у них нарушается полный цикл развития и существования. Они не могут без твоей крови, без твоих, так сказать, биологических жидкостей.

И вот ты появилось: такое розовенькое, чистенькое, как поросеночек в дождик, с писклявым голосочком, нетвердо пока стоящее на своих шатающихся ножках, с пытливыми вращающимися глазками навывкате. Но ты еще не можешь зарабатывать на полноценный обед и питаешься обедками и чем придется. Дышать можно, но не полной грудью (так предписано лицензией), а так, в полдыха, чтоб не надышалось вдоволь кислородом и, не приведи господи, не заматерело.

А вот клопы уже присосались, наслаждаясь свежей кровью. Ты неловко пытаешься смахнуть их неокрепшей ручонкой, но это все напрасный, как говорится, труд. Присасываются клопики крепко и навсегда, не дают раздышаться, крепко встать на ноги. Да и то правда: зачем ты им нужен крепкий и розовощекий? Если вас много таких появится — вы же этих клопов передавите, не дай бог. Вот они и ждут вас еще до рождения. А ты печалился: вдруг не ждут? Ждут, миленький, ждут!

2005 г.

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ (ПРАЗДНИК ДУШИ)

Приближалось двадцатилетие Паши Вытребенько. Время почему-то тянулось медленно, как хруст по паркету, от чего он утрачивал терпение каждый раз, как только думал о предстоящем первом сознательном юбилее. А думалось ему об этом ежечасно.

— Еще целый месяц, еще целый месяц, — нервно повторял он, теребя тонкие пальцы.

Проходила целая бездна тягучего времени, и он пел уже поднадоевшую песню.

— Еще двадцать дней, двадцать дней! — юноша картинно возносил руки к небу.

Он ждал обещанного перевода от родителей.

— Почему так медленно идет время? — повторял он.

— Скоро огонь горит да вода бежит... Куды ты спишышь, усниешь щэ состариться, — успокаивала Пашу его баба Матрена, у которой он жил последние два года.

Родители Павла уехали в Европу на заработки. Как говорится, не то забота, что много работы, а то, что ее нет: в небольшом городке закрылось последнее предприятие... После

окончания школы хорошист Павел Вытребенько искал счастья в политехе, но на бюджетные места конкурс был столь плотен, что Паше-абитуриенту протиснуться в ряды студентов не удалось. На взятку денег у родителей не набралось, как, собственно, и на платную учебу. Не считая своего сына достаточно взрослым, родители не поддержали первого сыновьего порыва уехать на работу в Сибирь со сверстниками. Второго такого порыва уже не последовало, как и вообще желания работать «за гроши». Молодому человеку мнилось другое будущее — сытое и безмятежное: так бы пахать, чтоб мозолей не набивать. Особенно хорошо грезилось под бутылочку пивка. В такие минуты баба Матрена, прерывая сладостный поток мыслей, ворчала:

— Краще б тэбэ в армию взяли.

— Чем лучше? Там, бабуль, задаром горбатиться нужно, — огрызался внучек.

— Твуй дид задаром з нимцями воевал? Заигралися в свою демократию... — заводилась старушка.

В таких случаях Паша старался ретироваться, дабы не выслушивать длинные нравоучительные речи, пестрящие сравнениями явно не в пользу молодого поколения. Тема армии трогалась не зря — Пашу откосили от армии благодаря дяде, служащему в военкомате.

Время все же пришло. Как-то баба Матрена разбудила своего внука и вручила ему заветный перевод от родителей на сумму, явно превышавшую воображение еще не проснувшегося молодого человека.

— Бабуля, смотри — пятьсот долларов! Это же надо, я и не ожидал! Я таких денег еще в руках не держал! — радостно спрыгнул он с кровати.

Он носился по комнате, одеваясь на ходу.

— Пятьсот долларов! — повторял он.

Потом вдруг застыл, прислонившись к окну. У бедного и два гроша — куча хороша, а тут полтыщи, да в зелени!

— Купишь себе подарок. Ботинки зимние тебе потрібни и куртка. Обносился весь. На одну пенсию не разгонишься, — услышал он издалека.

Туманом обнесло голову, запетляли мысли в невесомости юношеского разума. Утонули в тумане слова, вылетевшие из бабушкиных уст, как вареники в сметане.

— А я, бабуль, ничего себе покупать не буду — в старом перезимую. Вот только отпраздную день рождения, и все.

Пока Паша выбегал из дому, бабуля успела подумать: «Может, и правильно, перезимовать можно и в старой куртке, да и ботинки еще сдюжат, а деньги на хозяйстве сгодятся: за газ

заплатить, телефон...» Список неотложных нужд мысленно рос, не поспевая за быстроногим внучком — тот уже выскочил за калитку.

Счастливый обладатель туго набитого разнокалиберными гривнами кармана зашел в один местный кабачок, потом в другой, но ему ни там ни сям не приглянулось. Душа требовала чего-то большого, по-настоящему праздничного... И вот такси несет его, обгоняя все машины, в областной центр. За скорость Паша пообещал разговорчивому водителю отдельную плату. Паша часто слышал от выдавших виды старших товарищей о дорогом и шикарном ресторане, куда и доставил его нанятый автомобиль. Ему хотелось друзей, и они у него появились — были бы пирожки, объявятся и дружки: за столом сидели два новоиспеченных друга Леха и Миха. Хотелось музыки, и музыка играла только для него, поздравляя каждой песней, конечно же, за отдельную щедрую плату. Паше хотелось еще чего-нибудь, но очень скоро мысли потеряли стройность, и он уже не мог членораздельно сформулировать свои желания. Понеслось все вокруг: завертелись хрустальные люстры, закружился блестящий пол, перезвон бокалов очередной раз напоминал о торжестве... Эх, гуляй, помахивай да мощной потряхивай!

Очнулся он уже дома. Баба Матрена сидела рядом и тихо плакала. Паша обшарил опухши-

ми глазами свою комнату, словно не узнавая ее, и с пристрастием спросил бабулю:

— Они вчера принесли меня домой?

— Ты же был пьяный в стельку. Конечно, принесли, — беззвучно зашлась старушка.

— Хорошо, а то я им заплатил, чтобы занесли... И немало заплатил... — юноша обхватил болящую голову руками.

— Ты что, все гроши растранирил? — будто прозрела бабуля, пронзив внука испепеляющим взглядом.

— Зато, бабуля, если бы ты видела, как они все вокруг меня бегали...

Октябрь 2009 г., Украина

АНЕКДОТЫ

* * *

Встречаются двое новых русских:

— Представляешь, Вован своей телке на день рождения подарил букет из тысячи и одной розы. Она от неожиданности потеряла дар речи.

— Ну и что?

— Как «ну и что?» Теперь он на ней женился. Ты же видел ее? Красавица! Так теперь она еще и немая.

* * *

Приехал еврей из Америки. Встретил родственника недавно умершего в Нью-Йорке Арона и не знает, как бы поделикатнее сообщить ему новость.

— Недавно видел Арона, но я его видел, а он меня нет.

— Ты его видел по ящику?

— Нет, в...

* * *

— Доктор, у меня болит шея, и дурно пахнет изо рта.

— Ложитесь в больницу — мы понаблюдаем за вами.

На следующий день:

— Все понятно: вы лижете себе задницу во сне.

* * *

— Доктор, меня беспокоят дикие головные боли.

— Я введу вам внутривенно новое лекарство: вы уснете, и боль пройдет.

— Но боль снова возобновится, как только я проснусь...

— Оптимист вы, однако.

* * *

Идет бомж. Читает вывеску: «Исполняем одно любое желание». Заходит. Роскошная блондинка вся в золоте:

— Ваше желание?

— Я кушать хочу.

— Зачем?

— Так я уже две недели по-большому не хожу.

— Вам покушать или по-большому сходить?

— Покушать и сходить.

— Два желания не исполняем. Следующий!

* * *

— Доктор, что-то кормят у вас не больно-то хорошо.

Доктор санитарам:

— Чтобы с завтрашнего дня его кормили и хорошо и больно!

* * *

— Видите ли, улыбка тоже может быть очень эффективной защитой, — говорит психолог девушке, — улыбнитесь.

— Я же говорю для защиты, а не нападения, — отмахнулся психолог.

* * *

В камеру заходит новенький осужденный странного вида.

— Я инопланетянин, — говорит он и при этом в каждого тыкает пальцем в камеру, восклицая: «Фють! Фють! Фють!»

Сокамерники смотрят на него с удивлением.

— Давайте опустим его, — кричит кто-то, — чтобы не выделялся.

Скрутили, сняли с него штаны... и остолбенели: ничего там не обнаружили.

— А как же вы там... того... любовью занимаетесь.

— А так: «Фють! Фють! Фють!»

* * *

— Доктор, неужели нет выхода: только хирургический стол?

— Есть — стол патологоанатомический.

* * *

- Доктор, жить я буду?
- Будете.
- Почему так грустно?
- Так очень мало будете жить...

* * *

Жена, уходя на работу, говорит своей собачке:

— Смотри, пока нас не будет, не безобразничай, мебель не грызи.

— Ты ей напиши, а то забудет, — подкалывает ее муж в дверях.

Разговор подслушала соседка:

— У вас что, собачка читать умеет?

— А как бы она деньги в сберкассе получала? — продолжает в том же духе муж.

— А как же она деньги считает? — обалдела соседка.

— Такими лапами действительно неудобно считать, поэтому ходит со счетчиком купюр.

* * *

Жена, желая поддеть своего мужа, говорит:

— Раньше мужчины приглашали своих дам на балы, и женщины были им дорогим украшением.

Дочь, поддакивая маменьке:

— Папа, а почему ты не берешь маму на свои вечеринки?

— Видишь ли, дочь, таскать дорогие украшения каждый день — это дурной тон.

* * *

Молодой человек плотной наружности в задумчивости зашел в родильный дом, хотя ему нужно было в поликлинику, вход в которую рядом.

Поняв что-то неладное, он в сердцах сказал:

— Не туда попал.

В это время по коридору проходила врач акушер-гинеколог. Услышав брошенную фразу, она отреагировала:

— Мне тоже кажется, вы не туда попали: вам носить еще месяца два.

* * *

— Доктор, мне сегодня хуже.

— Хуже, чем когда?

— Чем вчера.

— Не расстраивайтесь, голубчик, зато вам сегодня лучше, чем будет завтра.

* * *

В железнодорожную кассу звонит крепко подвыпивший мужчина:

— Это касса?

— Да, это касса.

— Моя фамилия Воробьев Иван Иванович, я вчера у вас билет до Тюмени взял.

- Ну и что?
- Вы же теперь записываете фамилии?
- Да, теперь такое положение.
- Вычеркните меня, я не еду...

* * *

Доктор говорит больному:

- У вас белая горячка.
- Это не у меня, это у моего друга Васьки белая горячка. Я ему сначала не верил. Он говорит: «Смотри, чертики по мне ползают», я говорю: «Не вижу, не верю». А вчера смотрю — ползают... Маленькие такие, черненькие... Теперь Васька их не видит — у него белая горячка.

* * *

- Скажите, Владимир Вольфович, как вы относитесь к голодающим, к стачкам?
- Во-первых, я не отношусь к голодающим, а тачки... я «мерсы» люблю.

* * *

Врач-психиатр в присутствии медсестры, желая подчеркнуть свой, как он считает, незаурядный ум, постоянно повторяет:

- В нашем городе очень мало умных людей... В нашем городе очень мало умных людей...
- Однажды медсестра не выдержала:
- Я с вами согласна. Их у нас совсем нет. Во всяком случае, я не встречала.

* * *

Великого танцора Махмуда Эсамбаева попросили рассказать что-нибудь для журнала «Космополитен» в рубрику «Секс глазами мужчины».

— Секс глазами? Я еще, между прочим, танцую, — обиделся великий танцор.

* * *

Две одесситки:

— Ты знаешь, наша соседка Софа оказалась в неважном положении...

— У нее что — внематочная беременность?

* * *

В гостинице Алла Пугачева поселилась в номере напротив английской леди.

На утро исчезли туфли англичанки, которые выставила ее служанка почистить. Англичанка служанке, служащей ей переводчицей:

— Не иначе, как взяла туфли русская. Зайди к ней и спроси.

Переводчица — Алле:

— У моей госпожи пропали туфли. Она хотела спросить, не вы ли взяли?

— Здрасти, я ваша тетя! Нужны мне эти туфли!

Переводчица (переводит дословно) своей госпоже недоуменно:

— Во-первых, оказывается она моя родственница, во-вторых, она говорит, что ей нужны эти туфли.

— Так скажи, что я их ей дарю.

Переводчица — Алле:

— Если вам эти туфли нужны, то моя госпожа вам их дарит.

— Да они мне даром не нужны!

Переводчица своей госпоже:

— Алла сказала, что даром не возьмет.

— Так скажи, что я могу ей продать... за рубли.

Переводчица — Алле Борисовне:

— Если вы не можете принять такой подарок, вы можете туфли у моей госпожи... за рубли.

— А хрена она не хочет?

Переводчица переводит:

— У русской певицы, видимо, проблемы с деньгами, и она желает расплатиться с вами овощами.

* * *

Подчиненный провожает своего шефа в аэропорту:

— Вы не забыли свой билет? — спрашивает он шефа. — А вы не забыли блокнот? А вы не

забыли командировочное удостоверение? А вы не забыли?.. — заботится он о своем шефе.

Женщина, работница аэропорта, когда шеф ушел в накопитель, говорит:

— Какой вы заботливый, прямо приятно наблюдать...

— А он не вернется оттуда? — перебивает ее молодой человек.

* * *

Молодой журналист своему знаменитому другу:

— Я вчера тебя интервьюировал и сам же отвечал на свои вопросы. За тебя. Тренировался...

— Ну и?

— Я был о тебе лучшего мнения.

(Быль)

На Пермском отделении дороги случилась железнодорожная катастрофа: дрезина, которой управляли пьяный машинист и пьяный помощник в компании девушки легкого поведения, проехала на красный свет, срезала стрелку и столкнулась с движущимся локомотивом. Удар был такой силы, что дрезина перевернулась, тепловоз сошел с рельсов.

На место происшествия прибыла бригада по ликвидации чрезвычайных происшествий.

Оказалось, что все в перевернутой дрезине живы.

На вопрос «С вами все нормально? Вы живы?» машинист немедля ответил заплетающимся языком: «Все нормально, продолжаем движение».

* * *

Гости из Парижа на Севере:

— Почему у вас так холодно, ведь на дворе уже июнь?

— У нас всегда холодает, когда зацветает черемуха.

— Так вырубите ее...

* * *

Заполняет нефтяник анкету. Задумался... Потом пишет в графе «Место рождения»: «Самотлор...»

* * *

Водитель пытается загнать огромную фуру на паром. Паромщик:

— Она не войдет по длине.

Водитель звонит по телефону своему крутому шефу:

— Все, шеф, договорился — войдет!

ВСЯК ЗАБАВЛЯЕТСЯ, КАК МОЖЕТ

Странная беседа

Недавно мне сказал хулитель,
Фемиды лживый обольстителъ,
Что он докажет мне, народу,
Что я не чист душой от роду
И что труда ему не стоит
Лишь легко шевельнуть рукою
И, перстом указав, что я — «верблюды»,
Шампанское открыть и дать салют...

К концу же странной сей беседы
Я, как последний непоседа,
Носился, к зеркалам бежал...
Себя, вокруг всех убеждал,
Что нет горба, что чисты руки...
Все хохотали, видя муки
Моей истерзанной души...
Так рады водке алкаши.

Давно луна взошла седая,
А я мучительно зеваю,

Нейдет мне сон который час,
И подхожу который раз
То к зеркалу, то свет включаю...
И наконец-то замечаю,
Что на руках как будто грязь,
И мучаюсь: откель взялась?

Ведь утром был я свеж и чист,
А тут — ну чисто трубочист.
И в чем тут дело, я не знаю
И зря башку свою ломаю.
Зря тщусь: к чему же прикоснулся?
А может, где упал, запнулся?
Под утро лишь глаза закрыл,
Эндимион меня сморил.

— Ну что, продолжим разговор?
Я оглянулся, и в упор
Меня сверлят свиные глазки.
И сон не сон, не быль, не сказка:
Копыта от грязи пятнисты,
И уши — лопухи нечисты,
И рыло грязное смердит.
Мне рядом с ним сидеть претит.

— Извольте, сударь, объясниться, —
Ответствую, а он бранится!
— Верблюд! — кричит. — Нечисты руки!
Я вновь испытываю муки

И просыпаюсь весь в поту,
Боясь, что в зеркале прочту...
Лишь я увидел отраженье,
Развеялись мои сомненья...

Всяк басню прочитав, к себе примерит
И прежде, чем не спать, проверит:
Не оттого ли дурно пахнут руки,
Не оттого ль испытывает муки,
Что со свиньей пришлось общаться
И, что вполне понятно, — измараться.

2001 г.

ТБ

Работник-дятел нанялся
Долбить дупло сове в осине.
С рассветом дурень принялся
Трудиться за гнилой полтинник.
И подписав с совой контракт,
Не выслушав инструктажей...
Ошибка? Нет, мой друг, — бардак!
Просчет? Пожалуй, поважней!
Клюв остро наточив,
Очки забыв на нос повесить,
С утра до вечера долбил
Плененный весь полтины блеском.
Как вдруг древесная щепка
Попала в глаз трудяге-дятлу.
И, ножками проделав па,
Пал труженик под стать Гераклу.
А дальше — совушке начет,
Комиссии, пинки, разборы...
Заставили сдавать зачет,
Пошли приказы и поборы...

Послушай, друг-работодатель,
Читай первичный инструктаж!
Коль в планы не идет, приятель,
Инспекторский ажиотаж.
Послушай же и ты, долбатель!
Всяк на работе — тот же дятел.
Так думай, прежде чем долбить,
Как глаз от щелы защитить!

1999 г.

Всяк забавляется, как может

Всяк забавляется, как может:
Кто мясо ест, кто кости гложет,
Кто пьет шампанское взахлеб,
Кто пулю наставляет в лоб,
Кто деньги на ветер спускает,
Кто грош последний проедает.
Одних земля держать не может,
Другим никто уж не поможет...
Кто честен, тот с петлей на шее,
Того, кто врет, Фемида греет,
Будто затмила ей глаза
Льстеца нечестная слеза.
Так водится спокон веков:
При власти кто, тот без оков.
Кто ж петлю на себя наденет?
Есть власть — найдется и замена
На эшафоте, под секирой...
Есть власть, знать, и найдется сырый,
Что жизнь отдаст и может сесть,
Спасая властелина честь.
А есть ли честь, скажи, у тех,

Что ради пошленьких утех
Легко святое попирают,
Забыли речь и только лают.

Где честь твоя, скажи, презренный?
Не люб тебе взор откровенный?
Пенять на зеркало не стоит!
На эхо злиться — то пустое...
Коль места нету для клейма,
Коль плачет по тебе тюрьма,
Не льни к Фемиде грязным ликом,
Не услаждайся жертвы криком,
Не бей того, кто уж лежит,
Но Честь имеет, не дрожит.
Не сник под наглым взором вора
И не покрыл себя позором.

Не раз молили мы у Бога,
Чтоб заступился за убогих.
Но Бог молчит, как будто нету
Кому помочь на белом свете.
И ты, мой друг, не раз бокал
За счастье бедных поднимал.
За тех, кто в море, кто в беде,
Кто жизнь свою прожил в нужде
И животом не дорожил,
За тех, кто дорог был и мил.
Так вот хочу спросить тебя:
Что лучше: жить в нужде, любя?

Не знать, как золото звенит,
Не знать, как ложь в петлю манит,
Не видеть слез друзей своих
И знать, что ты повинен в них...
Или бродить презренным львом
С набитым, сытым животом?
Но чтоб в ночи в твоих глазах
Стоял невероятный страх.
На злате спать и быть убогим...
И ждать возмездия от Бога.

Апрель 1998 г.

Брату Федору посвящается

Мне нужно знать, что ты в порядке,
Что не свихнулся, что — в себе,
Что огурцы растут на грядке
И что порядочек в избе.
Что баба крутится на кухне,
Что дети шибко не шалят
И что не падаешь ты духом,
И что суставы не хрустят.
Хочу я знать, что на рыбалке
Тебе везет хоть иногда.
Что никогда тебе не жалко
Нажарить рыбы из пруда
И пригласить друзей, соседей...
Испить по чарочке, другой
(Но не до беленьких медведей).
А повод? — скажут. Да любой!
Сегодня повод очень славный —
Пятидесятый юбилей!
Ты, брат, сегодня самый главный!
Ты даже Ющенко главней!
Так поднимите же бокалы!
Пусть брызнут звуки хрусталя!
Пусть (ханты говорят) — навалом
Навалит денег — счастья для!
Здоровье пусть не подкачает,
Жена пусть любит, как всегда.
Пусть дети горюшка не знают,
За счастье — за твои года!

Марш-кошмар новобранца

На виражах меня заносит,
Как бугая на скользком льду.
Тошнит и маюся поносом,
Но все равно вперед бреду.
Бреду в бреду, и вдруг асфальтом
Ударил кто-то по лицу,
И кем-то размозженный палец
Кровит на вздыбленном плацу.

2006 г.

Светило

По плану из Москвы светило
Наш город скромный посетило.
И все бы было любо-мило,
Если б светило не светило.

Светило ярко так светило,
Что многих просто ослепило.
Одних лучами опалило,
Других же светом осенило.

Одни искру его поймали,
Другие же в тени стояли,
Боясь того, чтобы светило
Нутро насквозь не просветило.

Светило щедро всем светило,
Чтоб света всем на век хватило.
Кому-то радугой сияло,
Кому-то тускло лишь мигало.

2001 г.

* * *

Говорят, что у народа
Не бывает без урода,
Потому, как есть народ,
Значит, должен быть урод.

Инчас матушка-природа
Посылает царь-урода,
Чтоб не вывелась порода
Среди этого народа.

При царь-батюшке уроде
Много легче жить народу.
Знамо дело: есть народ,
Есть и батюшка-урод.

Потому что у народа
Не должно быть без урода.
Потому, как есть народ,
Значит, должен быть урод.

1998 г.

* * *

Крепчает нравственность, когда дряхлеет плоть,
Когда бесчестная и темная душа,
Хромая, спотыкаясь, чуть дыша,
Стремится Божьей благодати отщипнуть щепоть.

Крепчает нравственность, когда дряхлеет плоть,
Пустой сосуд не может опьянить,
Без пули ствол не в силах застрелить,
И слабая рука соперника не в силах заколоть.

И вот тогда, когда лишь словом можно уколоть,
Когда не рвут рубаху на себе,
Бросая вызов собственной судьбе,
Крепчает нравственность... увы, дряхлеет плоть.

1999 г.

* * *

Вынес утром на крыльцо
Брагой мятое лицо,
И обратно в избу,
Глянул в зеркало и взвизгнул:
Живописнейший портрет —
Щеки есть, а глаз-то нет,
И ушей не видно,
Зуб качается — обидно...
Угол рта уехал к уху,
На носу уселась муха.
Заросло лицо щетиной
И разит, как от скотины.
Волоса, как тот осот.
Нос растет наоборот.
Подбородок вбок полез...
Скрипнул жалобно протез...
Вдруг пришло прозрение —
Пикассово творение.

2005 г.

* * *

Натоптал к тебе тропинку,
Место в сердце застолбил.
Оглянулся — на полянке
Будто кто-то наследил.
Может блазнится, подумал,
Начал место обживать.
Я ж не пес какой бездомный,
Я же свой, ядрена мать!
Как-то глянул: вновь следочки
Появились по утру.
Из соседнего лесочка,
Коль глаза мои не врут.
Стало места в сердце мало,
Сжался весь, сижу в углу.
Сколько мимо ног промчалось!
Сосчитать я не могу.
Нужно выбраться отсюда.
Собрался в обратный путь...
Все затоптано в округе.
Не могу найти тропу.

2005 г.

Как бы шутя о как бы серьезном

Я как бы телек свой включаю,
Пытаюсь как бы вникнуть в суть.
С трудом я как бы понимаю
Всю эту как бы полумуть.
— Послушайте, он как бы гений!
— А этот как бы, блин, звезда!
Так много разных как бы мнений,
Что как бы тошно иногда.

1999 г.

* * *

Проходят юности изъяны...
И нервность чувств, и нетерпенье,
Проходят страстные обманы,
Любви во имя, во спасенье...
Проходят юности изъяны...
Проходит немость пред любовью
И страх, что, будучи не пьяным,
Глупел перед твоей красою.
Проходит все, что так бесило
В те годы юности беспечной, —
Неловкость фраз и торопливость.
Любовных клятв на век, на вечность...

Теперь я сед, нетороплив,
В карман за словом не полезу...
Привычно пью аперитив...
И стать держу, держу завесу
Меж делом, собственно, и слухом,
Молодцевато грудь держу,
Пытаясь «не похвастать» брюхом.
А инчас, капнув валерьяны,
Совсем не так теперь сужу:
О, где вы юности изъяны!
О, я по вам с ума схожу!

2009 г.

* * *

Бог сказал, а черт — не верил,
Черт соврал, а Бог проверил.
Как бы черт ни егозил,
Бог за ним всегда следил.
Что бы Бог ни сотворял,
Черт в колеса кол толкал.
Души Бог к себе склоняет,
Черт в ребро перстом шпыняет.
И, доживши до седин,
Самый скромный гражданин
Ищет в женщине чужой
Мед, что черт своей рукой
От Всевышнего украдкой
Ложку сунет для порядка.
Вот и муж не устоял —
Бог берег, черт совращал.
Бог воришку вразумляет,
Черт его разубеждает.
Не минет одних сума,
А других — воров — тюрьма.
Помни, друг ты мой родной,
Что по тропочке одной
Вслед за Богом и добром
Черт волочится со злом.

2002 г.

Утро

Голова трещит с похмелья,
Сердце корчится в груди.
У чертей опять веселье:
Душу вьют на бигуди.

Ноги-руки непослушны,
Печень сжалася в комок,
Мне не дышится, мне душно.
Кое-как ползу в ларек.

Вдруг глаза раскрылись шире
Тверже кажется рука.
Все не так уж плохо в мире,
Можно жить еще пока.

...Снова тошно, снова мутит,
Засорен земной эфир.
И рассудок, словно шутит,
Отражая жуткий мир.

1999 г.

* * *

Не майся дурью, друг любезный,
Не дай тоске себя обнять,
А свой видочек затрапезный
Всегда не поздно поменять.

Не надо ныть и выть напрасно
По женщине своей мечты.
Представь себе — она ужасна,
Нужду справляя, как и ты.

Отставь веревку, уксус, мыло
И отведи от лба обрез.
Коль выход не нашел, дурило,
Так значит, не туда полез.

Не рви погоны и лампасы,
Ты выход поищи сперва.
Представь: сожрали папуасы,
А выход есть... и даже два.

2000 г.

* * *

У либерала лоб капустой
И наглые глаза горят.
Златая цепь на шее толстой,
Спагетти изо рта торчат.

У коммуниста лоб как глобус,
Звезда во лбу как жар горит
Живот обычно как автобус
Ветрами грозными урчит.

У демократа лоб дубовый,
Как бильярдный шар блестит.
На шее галстучек бордовый,
Животик рюкзачком висит.

А у народа лоб как брюква
И нос без «Биттнера» сопит.
Живот как высушенная тыква
И от работы горб торчит.

2001 г.

Не думай, что не повезло

Мелькают флаги на экране
Матрацем, в звездочки опять.
Ведущий экает, как пьяный,
Пытаясь «Сникерс» разжевать.

Затянут меццо и сопрано
Цветные девки, мужики.
С оскопленных, поди, баранов
Им шерсть стригут на парики.

Честной народ уже смущают
Стандарты тощей кочерги.
Костлявые зады страшат
Горбатой бабушки Яги.

Топ-шоу, рокер, папарацци,
Электорат и эксклюзив...
Вы что, свихнулись тама, братцы,
Крутя японский объектив?

Где речь родная, где гармошка?
По-русски ботать запаadlo?
Коль гордо нос торчит картошкой,
Не думай, что не повезло.

2002 г.

Кулакастеньким посвящается

К чему ношенье сапогов,
Когда хождение по паркету
Без этих кожаных оков
Никто, в натуре, не заметит.

К чему слова, когда без слов
Гораздо проще жить на свете,
Вот обойтись без кулаков –
Возможно ли теперь поэту?

К чему, скажите, этикет,
К чему поклоны, реверансы.
Когда царапают паркет
Когтями. Тут не до нюансов.

Долой одежду, сапоги!
Долой блестящие паркеты!
Не так мне жалко две ноги,
Как кулакастеньких поэтов.

2002 г.

* * *

Горілки напиться до чортиків хочеться
І сала наїстись з цибулею.
Сиджу в ресторані, і бігають хлопчики,
Немовби про мене забулися.

За муки душевнії після вчорашнього,
Хлопці! Налийте щоб було не мало.
Мені не до шику і не до прекрасного —
Горілочки склянку, цибульки і сала.

Слиною давлюсь і ковтаю частесенько,
Очами слідкую за гарними стравами,
Я встав іще досвіту, дуже ранесенько,
Нічого не їв, лише пивом поправився.

Нарешті підходить хлопчисько з краваткою,
Несе на підносі горілочки чарочку,
Тоне-е-есеньке сало, що дальше нема куди,
Горошини три і квасолі... ну, парочку.

Терпіння закінчилось, і розум я втрачаю,
Не можу стерпітися з гіркою долею.
І по обличчю хлопчиську розмащую
Горошки... і ніс набиваю квасолею.

2001 г.

ЧАСТУШКИ

Хорошо живется в рынке,
Молоко не киснет в крынке,
А не киснет потому,
Что подохли все му-у-у-у-у!

В белый дом стреляют пушки —
Веселится наш народ.
Седне — кнут, а завтра — сушки,
Так и движемся вперед.

Как князя повеселились,
Веселился и народ.
У народа зад чесался,
У князей — наоборот.

А я к доктору ходила:
Думала — беременна.
Он же клизму мне поставил
Очень своевременно.

Таракан погиб в неволе.
Жить в неволе нету сил...
Может, жил бы он поболее,
Если б я не наступил...

Провожает теща зятя:
Возвращайся, мол, сынок.
На душе его заплата:
Баба клюнет, теща шьет.

Хорошо в лесу медведям,
Хорошо в тайге лосям.
Нет проблем у них с обедом.
Их проблемы бы бомжам.

Муха к воле потянулась,
Сдуру набрала разгон.
На лету в стекло влепилась...
Много есть таких окон.

Нету кофе, нету чаю,
Нету пива и вина.
Коньяком гостей встречаю,
Может, встретят так меня.

Не живем, а выживаем,
Существуем, не живем.
То ли спьяну запрягаем,
То ли выпивши возьмем?

От Калуги до Находки
Ходят девки без колготок,
От степей до берегов
Ходят хлопцы без штанов.

Не хочу я, девки, замуж
За Иван Иваныча.
Все глазелки проглядела
На Борис Абрамыча.

Хорошо на Севере живут,
Холода влияют на зарплату.
Деньги тут лопатами гребут...
Мама, вышли денег на лопату.

(автор неизвестен)

Я приехал в Мегион
Заработать миллион,
А вернулся с Мегиона
Без штанов и миллиона.

(автор неизвестен)

* * *

Да не скыркай же, родная,
Грубым словом по душе.
Я не ангел, понимаю,
Но и ты — не атташе...

Так хочется уже послать
Оратора, куда подальше...
Пора бокалы поднимать
In vino veritas — «За ваше!».

Не сверли меня ты взглядом,
Не копайся ты в нутрах.
Ну не знаю, как помада
Оказалась на трусах...

Иду на запахи салатов,
На шум журчащего вина.
Я ем не на свою зарплату,
А потому и пью до дна.

Жизнь как ажурное вязанье —
Узоров вязь не разгадать.
И не измерить расстоянье
От «А» и до далекой «Ять».

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НЕВОЛЬНИКА	
ТИМОХИ	5
Хорошо ли живет Тимохе	5
Почему ревет телка	16
Форс-мажор	22
Нечаянное знакомство	25
Женщина с биографией	29
Почему поют собаки	34
Смертоубийство	41
Как потратить пенсию	45
Вольная жизнь Тимохи продолжается...	53
МНОГОЛИКИЙ ЯН (рассказ Николая Смехова, человека, прожившего большую жизнь на Севере, о своем друге)	
Как Яна в партию принимали	60
Бог един	70
Удачная командировка	73
Ян — охотник	75
С ПОЛЕМ!	79
Рассказ первый (Антоныча)	84
Рассказ второй (Петровича)	92
Рассказ третий (Николая Александровича)	97
Рассказ четвертый (Петровича)	99
НЕОБЫЧНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ	103

АЛЛО! ВАС РАЗЫСКИВАЕТ ИНТЕРПОЛ...	109
КЛОПЫ	125
ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ (ПРАЗДНИК ДУШИ)	127
АНЕКДОТЫ	132
ВСЯК ЗАБАВЛЯЕТСЯ, КАК МОЖЕТ.....	142
Странная беседа	142
ТБ	145
Всяк забавляется, как может.....	147
Брату Федору посвящается.....	150
Марш-кошмар новобранца	151
Светило	152
Говорят, что у народа	153
Крепчает нравственность, когда дряхле- ет плоть.....	154
Вынес утром на крыльцо	155
Натоптал к тебе тропинку.....	156
Как бы шутя о как бы серьезном.....	157
Проходят юности изъяны... ..	158
Бог сказал, а черт — не верил	159
Утро	160
Не майся дурью, друг любезный	161
У либерала лоб — капустой.....	162
Не думай, что не повезло	163
Кулакастеньким посвящается	164
Горілки напитись до чортиків хочеться	165
ЧАСТУШКИ.....	166

Литературно-художественное издание

Михайловский Валерий

АЛЛО, ВАС РАЗЫСКИВАЕТ...

Ответственный за выпуск **Е.Е. Степанова**
Корректоры **Е.В. Киселёва, Е.В. Литвинова**
Технический редактор **О.А. Турчинович**
Оригинал-макет издательства
«Печатная мануфактура»

Лицензия ИД № 03931 от 07.02.2001.

Подписано в печать 26.10.2009.

Формат 60×84¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Гарнитура «Кудряшов». Печ. л. 5,375.

Усл. печ. л. 4,999. Уч.-изд. л. 5,92.

Тираж 1000 экз. Заказ № 949.

ООО «Печатная мануфактура».

634055, г. Томск, а/я 3967.

Тел./факс: (3822) 493-119.

E-mail: pechat@tomsk.ru

80-00

175952012

Государственная библиотека Югры

